

**Виктор Власов
КРАСНЫЙ ЛОТОС**

(мистико-исторический авантурный роман)

18+

© ЭИ «@элита» 2014
Екатеринбург

Красный лотос

*Любовь теней в театре мертвецов
Казалась мне нелепым совершенством,
А та, что так и не пришла ко мне из снов
Не обещала мне ни счастья, ни блаженства.*

Предисловие

– Ну что же, Энно, чем мы рассказ о славных временах продолжим? – спросил мудрец Генбо, раскладывая свиток на коленях. Большой пушистый кот с душою погибшего самурая лениво потянулся, выпуская коготки.

– Давай старик, присочиним чего-нибудь про этих, молодых. Любовь, разлука... романтики читатель искушённый просит. Ведь шкурой чувствую: прибьют меня однажды критики... Пиши:

На самом дальнем краешке Земли лежит прекрасная страна, омытая со всех концов волнами Океана, вознёсшаяся к Небу будто бы хребтом дракона – цепями синих гор, вершины их пронзают небеса насквозь, теряясь в облаках. Там солнечный восход – улыбка Матери богов, Аматарасу-омиками.

Япония расположена на четырёх крупных островах: Кюсю, Сикоку, Хоккайдо и Хонсю, и около тысячи мелких. Природа там живописна: ущелья и широкие долины, бурливые горные речки, несущие потоки талых вод. Особую прелесть ей придают красивые берега с заливами и небольшими островками, и горы, покрытые лесом.

Когда-то небогатый феодал Ота Докан построил крепость на восточной стороне острова Хонсю и назвал её Эдо. Крепость стала тыловой базой армии «покорителя северных варваров», сёгуна Ёсисады Хадзиме.

Сёгун служил неким силам, выдвинувшим претензии на власть в объединённой Японии. Их представителем, явленным народу, был император-марионетка Нинтоку Тода. Не все были согласны с новыми порядками – в провинции Идзу вспыхнули мятежи. В конце века, раздавив в тылу заговор родственников сёгуна, клана Ходзе, крепостью овладел Иоши Хавасан,

один из военачальников Ёсисада Хадзими. Эдо превратился в фактическую столицу Востока Японии. Номинальной столицей оставался город Киото, что в трёхстах милях к западу от Эдо, где жили законные, но бессильные сыновья императора Гонары из священного рода Ямато.

В то время, когда на западе империи полыхала гражданская война: восстали против поборов икко-икки, три сильных клана северо-востока, «Три Тигра» – Ёсисада, Такэда и Уэсуга – ударили в спину императорским войскам Киото.

Разгромив армию Оды Бадафусы и изгнав последних сёгунов Асикага, эти силы сами истощились настолько, что закулисным интриганам пришлось на несколько лет сохранить политический расклад таким, как есть.

История о клане ниндзя «Красный лотос» стала известна задолго до новой кровавой войны между Годой, самозванным императором Страны Восходящего Солнца, и властителями западных провинций с центром в Киото, за господство в Японии.

В народе рассказывают так: у Ёсисады Хадзими, дожившего до сорока лет, детей не было. Услышав зов смерти, он приказал советнику Идзу Мотоэри, коварному Мотохайдусу, хранить Того, Который будет хорошим хозяином на земле – императора Тоду. Родную сестру, Суа-химэ, обольщавшую своего брата, Ёсисада Хадзими давно прогнал от себя, ославив её аморальной, не достойной править страной. Но у принцессы Суа нашлись покровители – ставший сёгуном Ода Бадафуса, приближённый к почившему с миром настоящему императору Киото. Новую войну развязала шайка преступников под началом прекрасного полководца. Этим великим воином оказалась сестра ушедшего в мир иной сёгуна Ёсисады, вокруг имени которой собрался клан «Пылающий рассвет» – мятежница Суа-химэ.

Но эта история не столько о войне между правителем и провинциальными владыками, а скорее о несчастной любви юных ниндзя.

Глава 1

Ранним утром Татсумару открыл глаза, слышался шум водопада. Полежав минуту, он поднялся на ноги, сделал несколько простых упражнений, стойку на голове, и в этой позе

застыл, руками охватив затылок. Вскоре послышались лёгкие шаги.

– Аяме, – улыбнулся он. Дверь была не заперта, и симпатичная девушка невысокого роста в светло-красном кимоно вошла и остановилась на пороге.

– Татсу, ты не пригласишь войти? – застенчиво спросила она. У неё маленькое выразительное лицо, и родинка на левой щеке. Короткие чёрные волосы не касались плеч. Ни малейшего высокомерия.

– Конечно, входи, – обрадовался юноша.

Девушка, чуть смутившись, прошмыгнула босиком в дом, оставив обувь у порога. Она что-то держала в руках у себя за спиной.

– Чем так вкусно пахнет? – поинтересовался Татсу. – Что на этот раз приготовила для меня?

– Пока ты спал, я испекла печенье! – сказала она и улыбнулась.

– Какая умница! – воскликнул он, а про себя подумал: «Я её сегодня поцелую».

Татсу выполнил шпагат у босых ног Аяме:

– Я ваш! – засмеялся юноша, вскочил, протянул к ней руки. Она попятилась и скользнула в сторону.

– Подожди, – растерялся Татсумару. – Я умоюсь, – он рванулся в дверь, чуть не сбив подружку с ног. И, как был, в тёмно-зелёных штанах, прыгнул с крутого берега в ледяную воду водопада.

Аяме вздрогнула, ей стало не по себе: даже в зной вода, куда прыгнул Татсумару, ледяными иголками обжигала тело.

Юный ниндзя появился мокрый, капли стекали с чёрных волос. Он зашлёпал нарочно неуклюже к Аяме:

– Я замёрз, – обхватил, прижал к себе и поцеловал родинку.

– Ой, ты и правда ледяной, – присев, выскользнула она из объятий.

Запах ванили, которым напитались волосы, нравился ему, и худощавое лицо озарила улыбка.

Татсумару жил один в хижине у водопада. Когда-то давно его родители погибли в войне между Имагавой и Такэдой. Отец, умирая, просил мастера Шуинсая принять и воспитать Татсу-тянь. За малышом последовали слуги, но, подрастая, Татсумару сам запретил слугам появляться здесь. В родитель-

ский дом он иногда заходил, чтобы пообедать, оставить кое-какие распоряжения.

Аяме навещала его каждое утро, иногда приносила пирожки из чёрных бобов, рисовые колобки, завернутые в бамбуковые листья.

Чтобы лучи осветили скромное жилище, юноша отодвинул занавески и открыл окно. Его обитель наполнилась свежим воздухом, душная обстановка сменилась влажной прохладой водопада.

– А зачем понадобилось стряпать ванильное печенье, неужто учитель Шуинсай проголодался, а его слуга разучился стряпать? Старик совсем из ума выжил! – после первых пришедших на ум слов Татсумару некоторое время хранил молчание, наблюдая за девушкой, которая пристально глядела на его обнажённые плечи.

– Ты должен почитать нашего наставника как родного отца! Однажды твоё легкомыслие подведёт тебя, и ты горячо пожалеешь. Подобное от тебя ещё услышу – проучу! – с укоризной высказалась девушка. Аяме знала, что колкости из уст Татсумару в адрес старого Шуинсай лишь способ вывести её из себя.

Туесок, который Татсумару брал в дорогу, наполнен хрустящим сэмбэй. Ему нравилась еда, приготовленная Аяме. Поразительно: девичьи руки могли держать не только тяжёлый меч и ловко владеть им, но и вкусно готовить.

Татсумару поклонился, выразив благодарность девушке за то, что не придётся оставаться голодным, хотел взять из рук Аяме туесок, но та быстро спрятала его вновь за спину.

– Сейчас же забери свои дерзкие слова об учителе обратно!

Но юноша выпрямился во весь рост, провёл ладонью по своим коротким волосам и проговорил:

– Да ладно, чего там, подумаешь, – и, подождав немного, признался: – Слова мои такие же пустые, как и голова.

Аяме искренне верила, что глупого юношу можно исправить.

– Отвернись: я переоденусь.

Татсу надел на себя тёмно-синий костюм без рукавов и такого же цвета нарукавники из твёрдой кожи, подаренные дядей-самураем. Натянул плетёные сандалии и махнул рукой. Жест означал, что он готов идти к учителю.

Татсу хотел обрызгать девушку студёной водой. Зачерпнув ладонями из бочонка, озорно поглядел на неё.

– Только попробуй! – пригрозила она пальцем. – Ну...

Девушка отскочила.

Татсу, воспользовавшись этим, взял туюсок и стал жевать печенье.

– Неплохо, – оценил он, значительно кивнув. – У тебя талант!

Дождёвая, спросил, не принесла ли она чего попить. Это была очередная шутка, и Аяме мило улыбнулась в ответ.

Каждое утро в деревне Ампаруа для молодых ниндзя проводились занятия возле бамбукового леса. Учитель Шуинсай собирал воинов подле своей большой хижины. Наставник верил в каждого ученика, зная, что армия повелителя Тоды не такая уж многочисленная.

Дорога к жилищу мастера поднималась вверх, за выступ лесистой горы, ниже виднелось широкое рисовое поле. На пути попадались скатившиеся огромные валуны, их приходилось огибать, и юные ниндзя продвигались, петляя. Отсюда шум водопада слышался невнятно. Горные воды – ледяные, и сама мысль искупаться в них приводила в дрожь.

Татсумару и Аяме шли не спеша, прислушиваясь к пению птиц, журчанию ручейка, вглядываясь в пестреющие цветами луга, в лиловатые взгорья, уходящие вдаль к снежной гряде, ощущая величие и покой природы.

Дом старого мастера стоял в центре додзё Ампаруа на холме около бамбукового леса в одной ри от жилища Татсумару. Тут они и нашли благородного Шуинсай – в сером одеянии, подтянутого, длинные седые волосы аккуратно заплетены в косичку, взгляд голубых, как небо, глаз пронизывал насквозь. Учитель был довольно высок ростом, как и Татсумару, в руках держал самурайский меч.

– Вы опоздали, – разочарованно произнёс мастер. – Ваш приятель трудится всюю.

Рикиморо пытался зацепить стальной крюк за маленький выступ стены, но промахивался. Остатки стен разрушенного старинного замка использовались для набрасывания крюков на верёвке, по которой ученики стремительно вскарабкивались наверх.

Вблизи деревни Ампаруа имелось додзё – место, специально оснащенное под тренировки. Почерневший мостик вёл в бамбуковый лес. В глубоком рву, словно драконьи клыки,

поднимались столбы. Между ними выглядывали из воды большие чёрные гладкие камни. Под наблюдением мастера ученикам по столбам нужно точно прыгать, держать равновесие на скользких камнях.

У ограды на столике лежали сюрикены – заточенные звёздочки всяких размеров и конфигураций, ими нужно метко попадать по деревянным, в рост человека, мишеням. Татсу взял пару, зажал между пальцами одной руки и резко метнул. Мишень на расстоянии нескольких шагов отозвалась единым слитным звоном.

Когда-то у малыша Татсу-тянь не получалось бросать точно в цель, и он хитрил: подходил и вкалывал остроконечную звёздочку в красную древесину. Если наставник замечал, то награждал его суровым взглядом. Как-то раз Татсу осмелился сказать, что метание сюрикенов – баловство, и за это учитель наказал его: велел Татсу вытянуть руку к стене, а сам сделал движение, как бы бросая звёздочку в его ладонь. Татсумару в испуге успел быстро убрать руку. – Звёздочка воткнулась именно в то место, где была его ладошка. Тогда ему запомнились проникновенные слова учителя: «Не знаешь – не говори пустое. Сюрикен – смертельное оружие». Татсумару призадумался, ему не понравилось ловить ладошкой острый сюрикен.

Никто из друзей Татсу не пытался язвить по этому поводу. Зато неудачи Аяме всякий раз сопровождались едкими фразами из его уст. Да-да, каждый раз, когда у неё что-то не получалось, Татсу говорил ей колкости. Девушка не обижалась. Наверное, он так ведёт себя от избытка чувств, думала она.

– Если хочешь привлечь внимание девушки, – сказала она напрямик, – то совсем не нужно говорить про её неудачи, а достаточно произнести, что я прекрасно выгляжу и нравлюсь тебе!

Татсу, услышав от Аяме такую отповедь, будто язык проглотил, замолчал, и на его бледных щеках появился румянец.

Ученика с белыми зачёсанными назад волосами, в чёрном кимоно, звали Рикиморо. Как мог родиться человек с белыми, как лотос, волосами, тут, в Японии? Сын моряка-иностранца? Никто этого не понимал. Но учителя паренёк никогда не подводил, и мальчугана ценили. Глаза у Рикиморо тёмные, а брови густые. Плотный материал тренировочного

костюма облегал крепкие мышцы ног. За спиной он носил бархатные ножны.

Рикиморо переводил дух, восхищённо разглядывая меч – наследство отца, фамильную ценность. В украшении эфеса меча использована художественная резьба. Навершие рукояти и защитная чашка орнаментированы растительным узором, в центре помещены изображения всадников – кузнецы в оформлении рукояти и дужки эфеса выказали незаурядное мастерство. Серая поверхность стали прекрасно оттенялась синением на мече, изготовленном из высокопрочного и в то же время очень гибкого сплава.

Мастер Шуинсай подозвал Рикиморо к себе. Молодой ниндзя поклонился.

– Тебе и Татсумару нужно провести учебный бой, – промолвил учитель.

Татсумару обрадовался – он неохотно слушался мастера, но к спаррингу был готов всегда. Пользуясь мечом учителя, потому что своего пока не имел.

Перед боем друзья-соперники учтиво поклонились друг другу. Рикиморо напал: нанёс удар сверху; Татсу успешно заблокировал его, подняв оружие над головой. Удары посыпались градом с обеих сторон. От боковых финтов Рикиморо Татсу ускользал в сторону, выставляя меч впереди себя, а от полукруглых пируэтов Татсу ниндзя в чёрном кимоно защищался блоками на короткой дистанции. И вот, подловив удачный момент, Татсумару дёрнул противника за рукав. Рикиморо, потерявший равновесие, не удержался на ногах и, падая, наткнулся на рукоять своего меча. Клинок, даром что гибок, наполовину вошёл в землю – меч Татсу оказался возле головы Рикиморо.

– Я победил! – гордясь собой, сказал Татсу.

– Так нельзя! – возмутился Рикиморо.

Прервав их спор, учитель похвалил Татсу – заметил, как ловко юноша свалил беловолосого в чёрном. Одобрительный жест рукой означал небольшую передышку, и два приятеля пошли посмотреть на успехи Аяме.

Промокшая насквозь, Аяме пыталась держать равновесие на валуне.

– Забудь, что стоишь на скользком... Сконцентрируйся правильно, – кивнул ей мастер Шуинсай.

Она старалась, беспрекословно слушалась учителя. Оба молодых ниндзя внимательно наблюдали за девушкой, но

Аяме снова и снова соскальзывала в воду. Скрытая улыбка притаилась на лице Татсу.

Мокрые штаны прилипли к телу, повторяя округлые формы. Аяме нервничала – довольное лицо Татсу, нахальная ухмылка, её раздражали. Учитель удалился зачем-то в свой дом, и не увидел, как Аяме удержалась на скользком камне. Это продлилось минуту, не более: Татсумару скорчил страшную рожу и замахнулся, делая вид, что хочет чем-то запустить в неё, и Аяме вновь очутилась в воде.

– Я убью тебя, Татсумару!

Выбравшись изо рва с водой, она побежала к нему, оставляя за собой лужицы. Убегать Татсумару было некуда, поэтому оба носились кругами. Рикиморо, наблюдая за ними, хохотал. Когда Аяме прижала Татсу к углу хижины, тот воскликнул:

– Ай! Я больше не буду!

– Ты устал бегать или раскаиваешься? – голос Аяме гневно дрожал; это немного испугало Татсу, и он закрыл лицо руками, в ожидании чего-то довольно неприятного, и прошептал: – Раскаиваюсь.

Вдруг пушечный выстрел эхом прокатился над Ампаруа. Вдалеке появилось чёрное облако дыма. Учитель выбежал из хижины и озабоченно смотрел в сторону города. Неровный стук копыт привлёк его внимание: истекающий кровью всадник в лёгких доспехах лежал на спине коня. Гохд, мелкий чиновник из столицы.

– Помогите ему, – указал Шуинсай.

Рикиморо снял вестника беды с седла, и друзья втроём перенесли его в дом мастера.

– Что случилось? – встревоженно спросил Шуинсай.

Раненый открыл глаза, слабая улыбка осветила лицо.

– «Пылающий рассвет» – еле слышно проговорил он. – Жену и дочь императора... украли...

Металлический нагрудник залит кровью, раны продолжали кровоточить. Он терял сознание. Аяме принесла кувшин с водой и полоски ткани. С посланника осторожно сняли доспехи, омыли и перевязали его раны.

Сломанная стрела торчала и в ноге скакуна. Учитель вытащил её, конь храбро терпел.

– Это война, – мастер Шуинсай тяжело вздохнул. Он знал, что бандиты из клана «Пылающий рассвет» легко могли

пробраться во дворец. Ведь их госпожа – принцесса Суа... От-
важная женщина, опасна и умна.

– Нам предстоит нелёгкий путь. Собираемся в полночь у
Руин чаек. Поднять знак общего сбора.

Глава 2

Солнце спряталось за горизонт, и небо покрылось звёзд-
ной паутиной. Ровно в полночь две сотни учеников предстали
перед мастером бесшумными тенями. Город, который стоял
когда-то неподалёку от Ампаруа, давно превратился в руины.
Его считали заповедным. Мало кто помнил древнее название
города, поэтому эти места называли «Руинами чаек»: по ле-
генде здесь когда-то жили воины, которые не смогли защитить
свою крепость. Теперь души защитников в образе чаек приле-
тают сюда, где жили раньше; кроме чаек, здесь никто теперь
не жил. Поэтому место носило столь печальное название.

Мастер собрал учеников именно здесь для того, чтобы
бесстрашные духи воителей наполнили каждого из них своей
великой силой.

– Я приветствую вас, дети мои, – сказал учитель. Мастер
Шуинсай стоял на возвышении. В знак почтения ученики пре-
клонили перед ним головы.

Рикиморо – в чёрном кимоно. Коричневый костюм Аяме
завязывался на груди кожаным шнурком и обтягивал её
стройное тело, два кинжала в ножнах крепились сбоку поясом
из плотного материала, штанишки из мягкой полотняной тка-
ни прилегали к её ногам. Татсумару нравились тона пасмурно-
го неба, поэтому он облачился в тёмно-синее одеянье без ру-
кавов с вышитым на груди силуэтом дракона. На открытых
крепких руках красовались черные нарукавники из твёрдой
кожи, усиленные металлическими пластинами. Наружники
проходили через ладонь, закрепляясь на большом пальце, и
защищали руки от возможных порезов. Но не могли отразить
прямых ударов меча, потому как некоторые мечи изготавлива-
лись из сплавов, способных резать простую сталь. Такие саму-
райские клинки могли позволить себе только богатые люди.

Почему символом клана стал лотос? Лотос – растение с
большими листьями, с белыми, розовыми, а иногда с красны-
ми цветами. Может быть, название клана «Красный лотос»
красиво и романтично звучало? Может и так, но трудно пред-

ставить мастера Шуинсая романтиком, хотя голос его преобразался, когда тихо, но чётко проговаривал название клана вслух, придавая ему неповторимую значимость.

– Слушайте и запоминайте, – обратился к ученикам мастер Шуинсай. – Рикиморо и Аяме, узнайте, что во дворце, а ты, Татсумару, попытайся исследовать гавань. Остальные ниндзя и с ними ученики Лао подойдут к дворцу через пару часов.

По нахмурившемуся лицу Татсумару учитель догадался, что юноша не хотел доверять девушку Рикиморо. Аяме восприняла это, как ревность. И это ей польстило! А ещё порадовало, что Татсу не пошёл против воли учителя, и не стал пререкаться с ним.

Замечая, как Татсумару относится к Аяме, мастер каждую тренировку разлучал их, что жутко не нравилось юноше, и в отместку он дурачился, особенно когда видел, что противный учитель за ним наблюдает. Иной раз наставник сердился так, что прогонял ученика за недостойное поведение, а порою сам преподавал ему уроки рукопашного боя! Однажды Шуинсай серьёзно отходил мальчишку бамбуковой дубинкой по спине за то, что он назвал занятия напрасной тратой времени:

– Я и без них хороший боец, – самодовольно возразил тогда учителю Татсу. Для боя наставник выбрал две бамбуковые палки, но не прошло и минуты, как учитель обезоружил дерзкого ученика, угрюмо пробурчав, что спиной защищаться нельзя! Мальчишка напоминал старику сына, Шиничиро. Такой же глупый и дерзкий. Погубит себя...

Учитель окинул взглядом двести воспитанников:

– Я посылаю вас на опасное дело. В бой вступать по необходимости. Прошу вести себя подобающим образом, – распорядился он.

– Мы не опозорим вас, – заверил Рикиморо.

Учитель отдал кожаный мешок Аяме, и она торопливо подошла к Татсу:

– Это не займёт много времени, поверь мне!

Татсу взял её за руку и посмотрел в глаза:

– У меня для тебя есть подарок – я сам его сделал! – Татсумару достал из кармана звёздочку, вырезанную из дерева, на шёлковой нити, и надел амулет на шею Аяме. Её глаза засияли счастьем. Это была простая деревянная безделушка, но для неё драгоценный подарок, от чистого сердца.

– А это тебе от меня! – ответила девушка и подала платочек цвета индиго с вышитым именем «Татсу» нитками под цвет лотоса. Юноша с радостью принял подарок и бережно спрятал его.

Они пошли по дамбе через рисовое поле. Ночь стояла лунная, тёплая. Безмолвие небес окутало окрестности. Небосвод, усыпанный звёздами, не казался таким мрачным; если внимательно смотреть в ночное небо, там можно разглядеть фигуру воина на коне, поднявшего клинок, и большущего дракона, и летящую птицу; но расслабляться, рассматривать небесные картины, времени не было.

По звукам, доносившимся издалека, можно понять: проснулись тайны, какие скрывала под тёмным покрывалом ночь, и духи храбрых воинов слетаются к «Руинам чаек», чтобы наделить отряд ниндзя своей великой силой и бесстрашием.

– А что там, в твоём мешке? – любопытствовал Татсумару. – Есть чем перекусить?

Они остановились, и Рикиморо развязал ремешки. Внутри лежали, завёрнутые в материю, несколько сюрикенов, короткая бамбуковая духовая трубка с дротиками, и свёрнутая верёвка, привязанная к «кошке» – тройному кованому крюку.

Аяме поинтересовалась: возьмёт ли Татсу что-нибудь, но тот сначала отказался, затем передумал и взял пару сюрикенов. Рикиморо и Аяме живо разобрали остальное.

– Почему ты не спросил у мастера меч? – с волнением спросила Аяме.

– После того случая, когда я вызвал на бой выскочку из школы Лао? – неохотно вспомнил он. – Мастер отнял у меня катану.

– Он хотел помочь... Если бы ты не был упрямым, как его сын Шиничиро, то мастер доверял бы тебе.

– Не очень-то мне нужно просить. Я отберу оружие в бою, какое захочу... Рикиморо, – пригрозил он пальцем, – береги Аяме!

Беловолосый кивнул.

За рисовым полем их пути расходились.

– Ну что, прощаемся? – проговорил Татсу и опустил глаза.

– Зачем ты так? – возразила девушка. – Будто мы больше не увидимся.

На развилке у большого валуна они ещё немного побыли вместе. Никто не знал, что может случиться с каждым из них, но они ничего не боялись. Не страшатся только безумцы, однако мастер Шуинсай говорил, что ночь делает ниндзя бесстрашным, закрашивая страх чёрным цветом. «Если ты сольёшься с темнотой, невидимый, как тень в ночи, – невозмутимым станет дух твой, словно ночь».

– Да пребудет с тобой Аматерасу! – громко пожелал Рикиморо вслед уходящему другу.

– Удачи, – тихо молвил Татсу и растворился во тьме.

Татсу свернул на тропу, ведущую в гавань, а Рикиморо с Аяме скорым шагом отправились по дороге во дворец.

– Ты же знаешь, что он в тебя влюблён, зачем ты пошла со мной? – поинтересовался беловолосый ниндзя.

– Учитель велел. Конечно, можно было сделать и ему наперекор, но это ради блага Татсу, – ответила девушка.

Рикиморо ничего больше не стремился узнать об их отношениях. Вряд ли девушка сказала бы больше того, что он знал и так, поэтому оба молча дошагали до хижин с соломенными крышами и маленькими окнами, освещаемые редкими факелами. У развороченной деревянной ограды ниндзя затаились, увидев солдат в блестящих доспехах. Некоторые дома сгорели, жильцы обречённо и уныло зябли на улице. Кругом царил беспорядок, словно после войны, повсюду разбросан скарб, тряпьё и рухлядь, черепки от глиняной посуды, но погибших не было.

– Войдём? – спросила Аяме.

– Лучше вокруг. Если нас сцапают, спрашивать, кто мы такие, не станут.

Над хижинами справа возвышался дворец, ещё правее стояли каменные дома знати.

У стены Рикиморо достал «кошку» и забросил на балкон второго этажа. Глухо брякнув, когтистая железка за что-то зацепилась. Беловолосый юноша дёрнул, проверяя – стальной крюк держался крепко. Они влезли на балкон, и не успели оглядеться, как тёмная грузная фигура с клинком бросилась на них. Выхватив меч, Рикиморо встретил удар; звон металла рассёк тишину. Ниндзя, готовясь к очередному нападению, изобразил изящный финт: вытянул руку вперёд, как бы предостерегая противника, а меч опустил вниз, но удара не последовало. Нападавшего остановил символ на повязке беловолосого – одного из самых почитаемых кланов – «Красный лотос».

– Ух, я думал, что нас никто не услышит и не придёт на помощь. Я приветствую вас. Моё имя – Мотохайдус, – лунный свет высветил лицо старого самурая с повязкой на левом глазу, с вьющимся пушком на подбородке, латы, прикрывшие его торс.

Они проявили бы неуважение, отказавшись назваться, поэтому представились:

– Рикиморо.

– Аяме.

Мотохайдус посторонился и пригласил гостей в палаты повелителя Тоды. Императора прежде они видели только издалека, а теперь оказались возле его покоев.

Молодые ниндзя поклонились и вошли в комнату к императору. Свечи в бронзовых подсвечниках освещали фигуру Нинтоку Тоды, стоящего перед шёлковой ширмой. Человек маленького роста, одетый в бархатный халат, повернулся в их сторону. Жидкая борода, тёмные круги под глазами, складки на лбу. Мотохайдус подошёл ближе и вежливо обратился:

– Великий Тенно, к нам прибыла помощь.

– Сколько?

– Двое, – сказал старый самурай.

Император оценивающе оглядел обоих, и ниндзя поклонились ему.

– Что происходит за стенами дворца и где мои подданные? – спросил Тода, и его лицо стало надменным.

Рикиморо сообщил, что дворцовый посланник изранен, но жив и находится в Ампаруа; сейчас подойдут остальные бойцы из додзё мастера Шуинся.

– Со мной случилось несчастье, – зарыдал Тода. – Они забрали мою Ифу! Верните её! Расскажи, Мотохайдус, – лицо императора скривилось, уголки рта приподнялись.

«Какой старый человек, какой несчастный», – подумал Рикиморо.

Император удалился за ширму, взял кисточку и что-то начал писать.

– Дочери повелителя Тоды ещё нет и трёх месяцев. Утром супруга императора с дочерью отправились в храм, там на них напали бандиты. Ранили жену, перебили часть солдат, похитили дочь и забрали в плен много воинов. Нападавшие из клана «Пылающий рассвет» предъявили требования: если император до восхода солнца не прибудет с выкупом в порт Та-теяма, то бандиты расправятся с его дочерью. Мы послали за

подкреплением, но до провинциальных городов путь не близкий, – поведал советник. – Как хорошо, что мастер Шуинсай нас услышал!

Ниндзя поняли, что бандитов много, раз они посмели напасть не только на храм, но и на дворец: взрыв, прогремевший утром, разнёс его ограду. «Пылающий рассвет» так силен, что Суа хочет захватить власть? Повелитель не знал, что делать, оставалась одна надежда – на коварство Мотохайдуса.

– Ёсида Суа даёт отсрочку императору, предлагая выкупить дочь до восхода солнца, поэтому нужно идти, не медля, – принял решение советник.

– Мы готовы, повелитель – проговорил Рикиморо, Аяме кивнула.

– Если бандиты заподозрят неладное, случится беда, и Тода останется без дочери, хуже того – его самого убьют. Нельзя терять ни минуты, нужно скорее отправляться к лагерю бандитов.

Рикиморо и Аяме подошли к воротам дворца и увидели подоспевших соратников: мастера Шуинсай и его брата Лао с двумя сотнями вышколенных им ниндзя «Тенчу»¹. Лао был человеком незаурядным, мудрым, но жёстким, мог строго наказать провинившегося ученика. Он сухо разговаривал даже с братом, Шуинсаем, и только когда речь зашла о том, что ниндзя «Тенчу» и «Красного лотоса» должны отправляться на верную смерть, черты его лица слегка изменились, почти шёпотом он проговорил: «Умрите с честью!»

Слуги вынесли из сокровищницы императорского дворца два тяжёлых, украшенных резьбой дубовых ящика с драгоценностями и, погрузив в паланкин, накрыли ковром. Император Тода не заставил себя долго ждать, явился лично, в сопровождении Мотохайдуса, и они уселись рядом с ларцами. Оставив во дворце надёжную охрану, процессия направилась в гавань.

Глава 3

Чем ближе Татсумару подходил к бухте, тем тише и осторожней становились его шаги. Наплывшие тучи скрыли луну, а туман обволок побережье Тихого океана. Казалось,

тучи сошли с небес ради помощи юному ниндзя, чтобы погрузить гавань в необъятную тёмную мглу.

Дощатые ворота валялись на земле. Татсумару споткнулся о них, но не издал ни звука. Сырость и темнота, даже вблизи не видно ничего. Неожиданно в тумане показались люди с копьями в руках, но прошли мимо, не заметили юношу. Подкравшись ближе, молодой ниндзя понял, что караульщики присматривают за пленными, которых заставили перетаскивать брёвна с большой баржи.

Пытаясь подойти к берегу ближе, Татсу наткнулся на троих. Эти, задыхаясь и шатаясь, с трудом волочили бревно с толстым комлем. Пленники бросили ношу и принялись шептаться и жестами умолять юношу о помощи. Падая, бревно громко стукнулось о камни, но караульщикам лень было подойти, и кто-то из них крикнул недовольным хриплым басом:

– Что такое? Работать!

Татсу поднёс палец к губам: «Тихо!» Пленный самурай увидел его глаза, полные тревоги.

– Кто вас охраняет? – настороженно спросил Татсумару.

– Демоны. У них страшные лица, – выговорил босой человек в рваной одежде.

Дела обстояли гораздо хуже, чем представлял Татсу. Несчастные напуганные пленники казались безвольными. Ужас не покидал их лица. Татсу наклонился к одному из них, чтобы узнать больше, но тот не мог вымолвить ни слова.

– Они сказали, что пожрут наших детей, если мы не пойдём с ними, – объяснил другой. – Им нужна древесина.

– Для чего?

– Если бы я знал. Думаю, для строительства большого корабля.

Чтобы успокоить людей, Татсумару пообещал помочь.

– Сколько их?

Пленник сообщил, что на барже, куда подносят брёвна, бандитов больше, чем рыбы в море, на некоторых надеты звериные маски.

Татсумару под прикрытием тумана подошёл к барже близко. Охранник, слегка покачиваясь, стоял с кувшином возле широкого трапа, ведущего на палубу. Он был пьян, и Татсумару ударил охранника по голове стальным нарукавником. Удар оказался настолько сильный, что бандит потерял сознание, однако кувшин не выпустил из рук. «Истинный пьяница», – подумал Татсу, быстро отстегнув ножны с мечом. Он

затащил поверженного под трап, а сам поднялся на палубу. Татсумару не знал, что ищет, но интуиция подсказывала: нужно спуститься в трюм. Охрана ни о чём не подозревала. Внимание Татсумару привлёк дальний плохо освещённый уголок трюма. У стола спиной к нему стоял человек в хаори. Незнакомец внимательно рассматривал какие-то бумаги. Татсу решил, что это важные документы. Ученику хотелось выделить себя и заслужить доверие мастера Шуинся, но до сих пор ему не представлялось удобного случая. А самое главное – вот она, возможность доказать Аяме, что он герой.

Татсу, ступая мягкими шажками, осторожно подкрадывался к столу, но старый палубный настил под ногами предательски скрипнул. Тщедушный человек с рыжими волосами резко повернулся, маска удивления и ужаса застыла на его лице. Секунда замешательства, и он распахнул накидку. Татсу увидел, что у рыжего на поясе в ножнах висят ножи для метания. Татсу молниеносно среагировал: сделал движение, будто что-то собирается швырнуть. Человек, прикрывшись одной рукой, второй – выдернул нож. Татсу не хотелось убивать незнакомца, поэтому юноша прыгнул к нему, схватил за кисть с ножом и повалил, заломив сустав до боли. Склонившись над поверженным врагом, приставил к его горлу отнятый клинок.

– Дёрнешься – жить не будешь! – Татсумару сгрёб со стола бумаги, быстро спрятал за пазуху. Можно уходить, но как быть с поверженным врагом? Оставишь – поднимет тревогу... Молодой воин ещё ни разу в жизни никого не убивал, и...

– Получи! – Татсу оглушил его, ударив по голове. Отстегнул пояс с тремя ножами, сунул в ножны и тот, что отобрал в схватке. Надел на себя славный трофей. Хороший подарок для Аяме!

Крики снаружи, ржание лошадей разорвали тишину, громкий топот на палубе отвлёк Татсу, он забыл про человека в трюме и выбежал наверх.

Бандиты не заметили, как из тумана появились солдаты императора. Завязался скоротечный бой. Татсу, уходя с баржи, наткнулся на умирающего невольника, который вымолвил: «Спасите людей!».

Стрела торчала в спине пленника. Зачем убили его? Татсу впервые видел смерть рядом.

– Бей воров и горных бандитов! – кричал всадник пешим воинам. Его металлический панцирь и шлем поблёскивали в лунном свете.

Татсу понял, что это военачальник гвардии Тоды. Конница ломилась мимо лежащих ворот. Люди на берегу, завидев помощь, побросали брёвна и стали разбегаться кто куда, бандиты разили пленников стрелами. Но вскоре баржу захватили воины императора. Татсумару, не боясь, что его могут принять за одного из бандитов, отправился навстречу воинам императора. Бандиты для устрашения врагов носили звериные маски, благодаря этому гвардейцы отличали их от пленных. Кривая бойня продолжалась до тех пор, пока бандиты держали оружие в руках. Как трусы, понимая, что рушатся их планы, бандиты «Пылающего рассвета» попытались скрыться бегством.

Шум боя стихал. Один из солдат обратился к всаднику, облачённому в металлические доспехи:

– Генерал Накомото, мы не можем оставить тела погибших воинов.

– Нет времени, – произнёс тот холодно и жёстко. – Мало нас, чтобы хоронить погибших, пусть хоронят спасённые пленники. Кто это идёт по берегу? – спросил генерал, видя приближающегося Татсумару.

– Я свой, я ученик мастера Шуинся.

Авторитет учителя настолько велик, что солдаты Тоды убрали оружие и не стали переспрашивать.

– Я – генерал Накомото. Мы из Июкогамы. Как ты здесь оказался? – спросил военачальник Татсу.

– Это неважно, а интересно то, что я увидел под масками поверженных бандитов: не все японцы, некоторые лица – европейские.

– Об этом стоит сообщить императору, – согласился генерал. – Выходим, двигаемся к порту Татейма, – приказал он воинам. Часть пленников пошла за ними, раньше они служили императору.

– Героями не рождаются – ими становятся, – размышлял Татсу.

Отряд замер по команде генерала Накомото: какие-то люди поблизости. Гвардейцы приготовились к бою, но Татсумару услышал знакомые голоса и радостно воскликнул:

– Там друзья!

Татсу вышел навстречу. Когда император Тода понял, что подоспело подкрепление, он завизжал от радости и захлопал в ладоши. Морщинки на лице его разгладились, и теперь на вид ему можно было дать не больше сорока лет. Император отослал спасённых пленников во дворец.

Глава 4

Пока отряд двигался к порту Татеяма, Татсумару показывал захваченные им чертежи то одному вельможе, то другому. Бумагами заинтересовался только Мотохайдус – просто так отобрал и отослал юношу мановением руки. Татсу ожидал похвалы и восторгов, поэтому был огорчён и не заметил подошедшую Аяме.

– Не расстраивайся! Учитель оценит твои заслуги позже, а пока – ты мой Татсу! – сказала она ласково и тихо, чтобы другие не услышали.

– Когда это я расстраивался? – улыбнулся он, протянув девушке пояс с ножами. – Смотри... нравится? Это тебе! – и Татсумару пробил ножом дополнительные отверстия в поясе для застёжки – талия девушки была тонкой.

– Где ты взял? – восхищённо спросила она.

– В бою, как и мой меч, – похвалился Татсу.

Аяме весело рассказывала о гостеприимстве Тоды, и о том, как Мотохайдус принял её и Рикиморо за воров.

– Когда выполним задание, давай спустимся к Хрустальному озеру?

– До Касумигаура почти день пути, – нахмурился Татсумару.

– Если медленным шагом, то день.

– Я проголодаюсь.

– Я спрятала кое-что. Рисовые колобки...

– Ум-м. Много?

– Хватит.

Сумерки становились светлее и светлее. Конница гвардейцев укрылась в засаде за высоким густым кустарником, воины не спешили. Деревья расступались, из-за них выглянули бревенчатые стены небольшого замка, бывшего частью городских укреплений. Мотохайдус бросил на мастера Шуинсая взгляд, полный надежды и доверия, махнул Накамото. Носильщики с выкупом грузно топали по дороге к холму в сопровождении пятерых воинов. Шуинсай обратился к ученикам:

– Рассредоточивайтесь вокруг холма, и не выходите из леса, пока Аяме и Рикиморо не подадут знак, преодолев вон тот забор первыми. Пойдём со мной, Татсумару.

Приказ Шуинсая прозвучал строго – так отдавал распоряжения Лао.

Городок на холме, окружённый хвойным лесом, обнесённый высокой защитной изгородью, спускался к самому морю.

Мастер Шуинсай и Татсумару, обойдя холм в тени под навесом из густых ветвей, спрятались за могучими стволами елей-великанов возле самой изгороди высотой около шести футов. Отсюда хорошо просматривалась дорога, по которой носилки с выкупом двигались к воротам.

Присев на одно колено, учитель спросил:

– Ты помогал генералу убивать бандитов?

Татсумару не ожидал подобного вопроса от мастера и не смог сразу ответить. Учитель продолжил:

– Все воины, будь то самураи или ниндзя, должны пройти через смерть, но я обучаю не убийц, а защитников.

Татсу смог только вымолвить:

– Я... нет.

Немного помолчав, стараясь скрыть волнение, Татсу осмелился спросить:

– А вы отнимали жизнь, мастер Шуинсай?

Учитель, не раздумывая, хладнокровно ответил:

– Да, приходилось.

Наставник встал и, уходя, велел ждать. Татсумару видел, как ниндзя из отряда Лао прячутся на деревьях. Паланкин с драгоценностями остановился у ворот бревенчатого замка. Сердце Татсумару заколотилось громче барабана тайко. Мастер появился внезапно – дышал ровно и тихо, словно сидел рядышком и никуда не уходил. Все, не отрываясь, наблюдали за происходящим: деревянные потрескавшиеся от времени ворота со скрипом распахнулись.

Около десятка людей в звериных масках ждали императора Году лично.

– Только спокойствие, держитесь мужественно, и ничего не бойтесь! – шептал одноглазый советник Мотохайдус трясущемуся императору.

Впереди уверенно шагали пятеро солдат. Осматриваясь и поддерживая императора под руку, Мотохайдус подумал, что в городке много домов, в которых наверняка засели бан-

диты, главное, чтобы помощь пришла вовремя, и трус император от страха не расстался с жизнью. Бандиты, предвкушая добычу, потирая руки от удовольствия, пригласили императора войти. У стен Татеямы невидимые в сумерках несколько сотен ниндзя готовились к штурму.

– Нам пора, – проговорил Рикиморо, подтолкнув Аяме.

– А если нас заметят раньше, чем сможем подать сигнал? – засомневалась девушка.

– Вряд ли, бандиты глазят на свиту императора и не ждут нападения.

– Ладно, пойдём. Я не стану колебаться, исполним долг, как наказывал учитель, – голос Аяме звучал глухо.

– Ты думаешь, мне легко? – шепнул беловолосый ниндзя. – Держись смелей: я с тобой.

Рикиморо ловко взобрался на стену, подавая знак, взмахнул мечом, помог Аяме бесшумно спуститься на землю, покрытую мягким ковром из пожелтевших иголок. Услышав многочисленные сильные возгласы в одном из замковых строений, юные ниндзя догадались, что ожидающие у входа – не все здешние обитатели. У смотровых вышек на поваленной ели сидели двое в мешковатой одежде: один затачивал клинок, другой подбрасывал ветки в костёр. Бандиты были слишком уверены в своей безопасности и не заметили, как чёрные ниндзя Лао забрались на стены города и поползли по низким крышам домов. Рикиморо и Аяме приободрились, ведь с такими ловкими союзниками победить нетрудно.

Ничего не подозревающие бандиты приняли два ларца с дарами и с особой осторожностью понесли их в дом.

– Хорошо, но мало! – ворчал один из звериных. – Мало!

И тут началось осуществление дерзкого плана коварного советника Мотохайдуса, придуманного им совместно с братьями Зотайдо. Рикиморо, готовясь к прыжку, передал сюрикен Аяме. Заточенная звёздочка, рассекая воздух, впиалась в грудь крайнему от вышки. Рикиморо разбежавшись, оттолкнулся от земли, ударил мечом второго – караульные упали. Рикиморо хотел добить сражённого рукой Аяме, но тот лежал бездыханно. Учитель окунул их метательное оружие в особый яд, который отнимает жизни раненых мгновенно и безболезненно.

– Что ты чувствуешь? – поинтересовался Рикиморо, вытирая кровь со своего клинка об одежду мёртвого.

– Пока ничего, я просто хорошо выполнила свою работу,
– сказала Аяме.

Рикиморо поднял чужой клинок с земли, он был прямой – не такой, как самурайские мечи, и подал Аяме. Девушка, удивлённо рассмотрев странную прямую форму клинка заточенного с двух сторон, выбросила его. Она вскарабкалась по длинной лестнице на башню и неожиданно оказалась за спиной дозорного. Ножом расправилась с ним, затем, придерживая тело, как бы защищаясь им, поднесла к губам духовую трубку, дунула, и дротик умертвил того, что на соседней вышке. Тот грохнулся, и шум привлёк внимание.

В крепости поднялся гвалт, и на императора Тоду обрушился град стрел. Мотохайдус закрыл собой потерявшего сознание повелителя, один из воинов встал в полный рост, чтобы прикрыть императора и советника. Стрелы отскочили от толстых металлических пластин на спине Мотохайдуса, не причинив вреда. Советник поднял голову и громко закричал:

– В атаку!!!

В распахнутые ворота замка ринулись на помощь императору конные гвардейцы Накомото. Бандиты растерялись, но бежать им оказалось некуда. Сам отважный Накомото, обнажив клинок, разил направо и налево. Чёрные ниндзя, спрыгивая с крыш, проникали внутрь хижин. Боевые возгласы взорвали тишину, и по всему городу разлилось кровавое сражение. Злодеев оказалось больше, чем предполагали, но оставлять врагам укрепления никто и не подумал. Мотохайдус поймал коня, метавшегося без сражённого врагами седока, и немедленно покинул поле боя. В седле перед ним, в обмороке, неподвижно лежал император Тода. Мотохайдус приподнял материю плаща и убедился, что с его повелителем ничего страшного не произошло.

– Нам пора, – сказал мастер Шуинсай, и его фамильный меч покинул ножны.

Учитель не стал драться с наёмниками, он отдал их Татсумару.

– Покажи-ка, на что способен!

Татсу вышел на бой с двумя бандитами. Отразив пластиной нарукавника рубящий удар сверху, Татсумару оставил кровавую полосу на животе нападавшего. Отскочил в сторону, чтобы не попасть под лезвие другого, великолепной подсечкой завершил атаку.

Генерал Накомото возглавлял основной удар, и находился в самом эпицентре боя. Немало бандитов валялось на земле, но и два десятка гвардейцев императора погибло. Пронзительные стоны раненых смешались с истошным ржанием лошадей.

Рикиморо осторожно заходил в дома, откуда раздавался лягз стали. Ниндзя школы Лао бесстрастно, даже как-то буднично, вырезали бандитов, не оставляя шансов на жизнь.

– Эй! – беловолосый юноша недоумённо остановился. Внутри соломенной хижины быстро промелькнула высокая женщина в блестящих голубых доспехах. Рикиморо отпрянул – чёрный ниндзя с криком свалился с крыши. В горле торчал сюрикен. Из соседней хижины выбежал человек в накидке. Его запалённого лица Рикиморо не разглядел, но бросился за ним. Из-за угла выскочил бандит в окровавленной звериной маске и сам по инерции наткнулся на меч Рикиморо. Юный воин откинул труп неудачника в сторону. Этот отвлекло его: человек в накидке растворился среди сражающихся воинов. Рикиморо осторожно вошёл в хижину, куда забежала незнакомка. Высокая женщина с длинной чёрной косой держала украшенный камнями меч на уровне глаз. Блеск стали освещал её надменное лицо. Изящным уверенным кивком головы она подозвала Рикиморо:

– Девчонку ищешь? – указала она на завернутого в наволочку младенца. Принцесса Ифа сладко посапывала в плетёной корзинке. – Бери...

Меч обрушился на Рикиморо – сталь зазвенела о сталь.

Лягз разбудил ребёнка и девочка громко заплакала.

На плач младенца в хижину вбежала Аяме и сразу метнула нож в нападавшую на Рикиморо женщину, но та сумела не только ловко уклониться от ножа, но и нанесла удар Рикиморо, и тут же выпрыгнула в окно.

– Ум-м, – раненый ниндзя опустил на пол у детской колыбели. Аяме нагнулась к Рикиморо. От глубокого пореза на левом боку юноша терял сознание. Аяме аккуратно взяла младенца на руки и хотела выйти, но в дверном проёме появились два врага. Аяме ощупала трофейный пояс и побледнела, поняв, что раскидала все свои метательные кинжалы.

– Сюда! – крикнул знакомый голос. Татсумару! Как он кстати! Оттолкнул, пронзив мечом, одного бандита, а второго, бросившегося на Аяме, обезвредил сюрикеном.

«Мой герой, моя надежда!» – прочитал Татсу в глазах Аяме.

– Что с Рикиморо?

– Ранен.

Татсумару осторожно поднял друга и вынес наружу. Бандиты, отступая, двинулись на побережье, где их ожидало судно. Гвардейцы генерала Накомото смогли перевести дух. Уставшие воины опустили на землю.

– Неужели кончилось? – мастер Шуинсай смахнул струйки пота со лба.

– О, слава Небу, моя Ифа спасена и не увидит больше этих изуверов! – услышали все голос очнувшегося повелителя Тоды. Император держал на руках крохотную дочурку. – Слава богам! Мои услышаны молитвы!

Накомото с воинами вышел на пристань. Разбойничья посудина под прямым речным парусом уплывала прочь.

– Мои ученики погибли с честью, – произнёс Лао. – Победа. Спокойствие.

– Я так не думаю, Нам предстоит немало дел, пока наш император не пребудет вне опасности, – заверил брата-мастера Шуинсай. – Ты, Рикиморо! Как?

Шуинсай осмотрел порез, заботливо перевязал.

– Начался жар, но жить будет! – заключил он, приложив руку ко лбу раненого. – Настоящий герой!

Тода позволил положить раненого спасителя его дочери в императорский паланкин. Хозяйственный Мотохайдус вспомнил про два ящика с драгоценностями – императорская казна не должна лишиться и части богатства.

К середине следующего дня спасителей малышки Ифы, дочери императора, ожидали во дворце Эдо. Мастер Шуинсай благодарил Повелителя, но как-то изловчился отказаться от почётного приглашения, а ученикам объявил, что будет ждать Татсумару и Аяме день спустя, в Ампаруа. Учитель напомнил, что опаздывать не стоит.

Татсумару частенько опаздывал на тренировки, и мастер заставлял юношу бегать кругами вокруг деревни, несколько минут находиться под водой или стоять много часов подряд на высоком столбе на одной ноге. Аяме поэтому заходила за Татсумару, чтобы учитель не гневался на нерадивого.

– Не растеряла ножи? – удивился Татсу, оглядев её пояс.

– Нет. – Аяме после боя не забыла пособирать удобное метательное оружие. – Подарок ведь!

Татсумару взял Аяме за руку, и они вдвоём отстали от колонны, движущейся на юго-восток во дворец императора Тоды. Татсу молчал, и девушка заговорила первой:

– Ты будто в рот воды набрал! Расскажи мне... – она не договорила и увлекла юношу к мандариновой зелени.

Глава 5

Мастер Шуинсай заметил, что Татсумару и Аяме куда-то запропали и, наверно, вспоминая собственное приключение из-за любви к жене и двум принцессам, проворчал:

– Любовь всегда сбивает с верного пути...

Они сбежали, оставив раненого Рикиморо на попечении мастера.

– Что мы забыли у Касумигаура? – недовольно хмурился Татсу. – Нас хватятся, и мало не покажется!

– Да, жаль, что май, а не осень! – невпопад, ответила девушка. – Подкрепимся?

– Ты ещё спрашиваешь!

– Как тебе нигири? Походный паёк гвардейца императора.

– Ум-м. Вкусно! – кивнул он.

Путь к необыкновенно красивому, Хрустальному, как называли его местные, озеру Касумигаура лежал через большую мандариновую плантацию, которая начиналась недалеко от побережья и тянулась по ущелью бесконечной узкой лентой. Обычно Татсу терпеть не мог мандарины, а вот Аяме их обожала, ей нравились оранжевые сочные плоды. Даже сейчас, весной, благоухание цветущего цитруса влияло на Аяме опьяняюще, кружило голову... День выдался ясный, они всё шли и шли... неторопливо шли по саду, по тропинке к счастью, и что-то, наклоняясь, юноша шептал на ушко ей, и Аяме застенчиво улыбалась и обнимала своего Татсу-тянь. Они не заметили, как наступил вечер.

Тропинка к озеру бежала между тянущих друг к другу ветки двух рядов деревьев. Освещённые ярким юным месяцем, стволы представлялись звёздными вратами.

Озеро получило такое название за необыкновенную чистоту воды. Мандариновая плантация заканчивалась, упираясь в буйные заросли сакуры, окружавшие Хрустальное озеро.

Сакура цвела изумительно пышно, пьяняще, и в этом году сезон ханами из-за прохладной весны затянулся чуть не до начала лета, почти как на Хоккайдо. В цветах сакуры – и синева неба, и белизна снега и золото солнечных лучей; поэты посвящали ей трепетные стихи, а художники чудесными орнаментами кружева её цветков расписывали зонтики и ширмы, веера и ткани.

Влюблённые остановились насладиться чудным видом озера в ночи. Татсумару с Аяме бывали здесь и раньше. Теперь картина ночного озера воспринималась иначе: и ясный месяц, звёзды отражались в тёмном хрустале, и сакура вокруг сомлела, роняя в воду нежность лепестков. Они встали под сенью большой вишни и, держась за руки, не отрываясь, смотрели друг другу в глаза. Девушка заговорила первой:

– Какая ночь!

Юноша молча присел у дерева. Хотел поделиться чувствами, но язык почему-то не поворачивался. Она опустила рядом.

– Пообещай мне, – попросила Аяме.

– Что? – Татсу взглянул на неё, не понимая.

– Если я попаду в беду, – она посмотрела на звёздное небо, словно там написаны слова, видимые ей одной. – Ты придёшь и спасёшь меня.

– Что? – переспросил юноша, не веря.

– Если я попаду в беду, мой герой придёт и спасёт меня, – она опустила голову, Татсу не видел её глаз – Я хочу, чтобы со мной произошло такое... ещё раз. Пообещай мне.

– Я тебя и так спас.

– Да. Ну, я всегда хотела...

Татсу, наконец, нашёл в себе силы и кивнул:

– Хорошо. Обещаю.

Сияющая искра пронеслась по небу над склонами тёмных гор и исчезла у горизонта. Падала звезда... Они были одни, под раскидистой кроной сакуры, говорили о своих чувствах друг к другу.

– Здесь красиво! – восхитился Татсу.

– Мы долго будем сидеть? – нетерпеливо спросила девушка. – Ну...

– Нет.

Они негромко расхохотались, их губы слились в долгом поцелуе. Татсу впервые поцеловал Аяме в губы.

– Ты весь горишь...

Любовные ласки продолжались до тех пор, пока они не насытились друг другом, и только ветер, прорвавшись сквозь ворота ущелья с океана, завывал над ними, лежащими под деревом в объятиях друг друга. Татсумару не знал, что с ним произойдёт через несколько часов, а если бы знал, то – не поверил.

Глава 6

Проснувшись от свежести утра, юные любовники быстро оделись. Взявшись за руки, ещё раз прошлись по мандариновой тропе.

– Когда мы должны быть у наставника? – спросил Татсу.

– В полдень.

– Успеем. Старикан никуда не денется! Пошли во дворец.

– Да, но всё-таки пойдём коротким путём. Побежим.

– погоди ты.

Рассвет, солнце краешком показалось над вершинами гор. Над Хрустальным озером рассеивался белый туман, чуть шелестела листва.

– Как здесь красиво утром! Давай приходить сюда почаще, Татсу, – предложила Аяме.

– Если пожелаешь! Я остался бы здесь навсегда! – кивнул Татсу.

– Вперёд...

Во дворце ещё спали.

– Ничего мы бегаем, – удивился Татсу, запыхавшись. – День вчерашний за пару часов!..

– Скажи спасибо строгому наставнику, – улыбалась Аяме.

Мотохайдус ломал голову над чертежами огромного двухпалубного корабля:

– Ну и ну! Для чего понадобился «Пылающему рассвету» подобный корабль?

Лишённые власти потомки императора Гонары находились в Киото. Генерал Накомото заверил советника, что помощь скоро прибудет из Симидзу. Мотохайдус с надеждой поглядел на него, отошёл к окну, пощипывая бородку. Военачальник Тоды, бывший вассал Уэсуги, некогда потерявший господина, Нако-

мото после Мотохайдуса был, пожалуй, самым надёжным человеком во дворце и поэтому пользовался всеобщим уважением.

С некоторых пор Мотохайдус обзавёлся вредной для его государственной должности привычкой – рассуждать вслух:

– Иноземцы неисправимы, лживы, они оскверняют наши традиции, ... – и опять ущипнул себя за бородку.

– Европейцев нужно прогнать с наших земель, – он бубнил тихо сам себе под нос.

Разгадка находилась в Киото, это они пригласили варваров для постройки флота, но идти туда означало подвергать себя неприемлемому риску: император Тода, так же как и Ёсисада Хадзиме, не владел большим регулярным войском. Собрать ополчение не из кого: не выросли, не окрепли ещё дети тех, кто погиб в сражениях с Бадафусой несколько лет тому назад.

– Где вы пропадали? Император интересовался вами, – Мотохайдус окинул взглядом пришедших героев, – Вас наградят!

Татсумару и Аяме польстило, что они стали героями Эдо. Их пригласили за стол. Девушки в ярких кимоно поставили на столик блюда, приготовленные из кальмаров и осьминогов. Салат с мясом осьминога выглядел довольно аппетитно. Татсумару пытался попробовать всё сразу, Аяме пригрозила ему пальцем. От сакэ и молодого виноградного вина они учтиво отказались, сославшись на своё «малолетство», но проявили уважение к традициям на церемонии чаепития.

Кипяток из большого чайника ударил в заварной, окутав живительным паром комнату. Тихо шелестела бамбуковая метёлочка, которой служанка взбивала чай. Аяме поглядела в окно, в саду цвели хризантемы.

Чайная церемония изящно сочетала в себе действие и созерцательность, именно поэтому самыми страстными её поклонникам стали самураи и ниндзя, жизнь которых в любую минуту могла обернуться кровопролитием. В чайной церемонии соединились дзэн² и эстетические идеалы ваби и саби.

На почётном месте сидел император. Служанки расставили чашки так, чтобы они были у гостей под рукой. Сначала напиток готовился в одной большой чашке для всех гостей. По традиции гости пили из неё, передавая чашку друг другу. Дей-

ство вызывало чувство единства. Сначала чаша побывала у императора, затем её передали первому гостю.

Татсумару взял фукуса, положил на ладонь левой руки, а правой поставил на неё чашку. Кивнув соседу Мотохайдусу:

– Осакини (раньше вас), – он отпил три глотка, затем положил фукуса на циновку. Вытерев край чашки заранее приготовленным бумажным носовым платком, передал чашку второму гостю – Аяме. Девушка, украдкой улыбнувшись, приняла. Благоговейно сделала два глотка и чашу передала соседу. Каждый повторил ту же процедуру. Гости выразили своё восхищение чашей. После крепкого чая подали жидкий чай. Служанки внесли подносы с фруктами в сахаре. Жидкий чай готовился сразу в нескольких чашках. Татсумару любил сладкое. Каждый участник церемонии понимал, что чаепитие развивает силу духа для преодоления походной усталости...

Накомото и его войско покидать Эдо не собирались. В Иокогаме, где стоял гвардейский гарнизон, не было ни большого дворца, ни богатого императора, который смог бы обеспечить даже малочисленную армию. Военачальник Тоды проверил боевое состояние армии. Император присоединил своих воинов к армии Накомото. Четыре сотни воинов построились возле дворца на широком помосте. Тода обратился к ним:

– Воины, вы повоевали на славу, каждый из вас помог мне, и я хочу, чтобы вы остались со мной.

У многих солдат в Иокогаме есть семьи с детьми, это прекрасно понимал император. Он пообещал наградить землёй, а сейчас слуги вручили каждому по шёлковой накидке, украшенной красными драконами.

Японские воины-гвардейцы неспроста назывались самураями-хатамото. Они служили императору, которому поклялись в верности, за рисовое довольствие. За храбрость в бою их награждали дорогими подношениями. Простонародье собиралось в ополчение – асигару. Семьи и школы ниндзя также использовались в военных операциях и для шпионажа. Юных спасителей принцессы Ифы – Аяме с Татсумару – император Тода лично поблагодарил, а Мотохайдус вручил девушке два дорогих кинжала, оправы которых украшали прорезные орнаменты в виде чередующихся золочёных и серебряных цветков сакуры. Над орнаментами – иероглифы, которые гласили о том, что кинжалы сделаны в годы правления Нинтоку Тоды по

эскизу его военачальника Токугавы Иэясу, наместника юго-востока Хондо.

Татсумару насыпали горсть драгоценных камней в кожаный мешочек. Отказываться от подарка нельзя, юноша с почтением принял его и поблагодарил поклоном. Торжества продолжились молебном, и героев славной ночи благополучно оттеснили вельможи. Незаметно они покинули дворец повелителя Годы и отправились в Ампаруа извилистой дорогой.

– Выбери себе самые красивые камешки, остальное отдадим Рикиморо, – сказал Татсу. – Мне камни ни к чему. Ты – моя драгоценность!

– Спасибо, Татсу! – улыбнулась она, разгадав, что грубоватому юноше не хватало нежности.

Усталые Татсу и Аяме пришли в деревню Ампаруа, там царил тишина. Чёрные ниндзя Тэнчу окружили мастера Лао. Давешний гонец, чиновник Гохд, и учитель Шуинсай сидели рядом с раненым Рикиморо, он рассказал про женщину в доспехах, которая ударом меча ранила его.

– Вы опоздали, – упрекнул учитель, наградив учеников строгим взглядом.

Услышав от Рикиморо о человеке в накидке, Татсумару как-то странно блеснул глазами – подумал, что тот, на барже, которого он едва не убил, не трус, иначе не решился бы испытывать судьбу второй раз. Ничто не ускользнуло от пронзительного взгляда мастера. Шуинсай, заметив, как строгие черты лица юноши изменились, вопросительно поднял брови и промолвил:

– Я о чём-то не знаю?

Тогда Татсумару пришлось рассказать, что произошло на корабле, и почему он оставил в живых рыжеволосого в хори.

– Наверное, стоило вернуться и добить его? – засомневался Татсу. – Но это ведь не он ранил Рикиморо.

– Я горжусь вами, мои ученики, вы поступили правильно. Лишить человека жизни может только Великий создатель. Ниндзя «Красного лотоса» защищает, а не убивает. Думаю, ты, Татсумару, поступил правильно и заслуживаешь награды.

Учитель ненадолго отлучился и принёс из своей комнаты меч, завёрнутый в тигриную шкуру.

– Возьми и береги славный фамильный клинок дома Зотайдо. Помни, что геройские деяния бессмысленны, если их не питают благие намерения и благоразумие.

На мгновение юноша оцепенел; очнулся оттого, что Аяме подтолкнула его.

– Бери же, бери!

Татсумару принял бесценный подарок и поклонился. Такой меч дороже драгоценностей, которые он получил во дворце. Татсу сделал величайшее открытие: завоевать признание старого ворчуна оказалось не тяжело, нужно только перестать доказывать всем, как ты крут, нужно просто быть самим собой.

Учитель позволил сегодня отдохнуть от занятий, и отпустил учеников.

Рикиморо не мог последовать за друзьями. Рана оказалась глубокой и опасной. Татсумару отдал мешочек с драгоценностями раненому Рикиморо, и объяснил, что это подарок от императора за хорошую службу. Рикиморо остался доволен.

Татсумару с Аяме покинули деревню. Они не хотели расставаться ни на миг. Солнце стояло высоко, и сильная жара утомляла. Под палящим зноем идти к озеру Касумигаура не хотелось, а купаться в ледяном водопаде около хижины Татсу не отважился бы самый закалённый человек. Нужно где-то переждать жару, и Татсу пригласил девушку домой.

– Посмотрим подарок мастера?

– Обыкновенный меч, который он отберёт, если вдруг что...

Развернув тигриную шкуру и дотронувшись до ножен, обтянутых бархатом с растительным узором, Татсумару начал понимать истинную значимость подарка. Клинок выглядел таинственно, возможно, он достался предкам мастера от какого-нибудь великого воина старого времени. Драгоценных камней в его оформлении не было: слегка изогнутая рукоять меча с маленькой защитной чашкой выполнена из чёрного дерева и обтянута акульей кожей.

– Учитель говорит, что такие мечи светятся ночью, – сказала Аяме. Прочитировала мастера: «Взявшись за изогнутую ручку, воин чувствует могучий дух. Фамильные мечи наделены душой, частицей достоинства от рук благородных владельцев».

– Наговорит много.

– Ты понял, что учитель стал относиться к тебе по-иному?

– Нет, – отмахнулся Татсу. – Если подарил меч, значит – хорошо относится?

– Никогда он не относился к тебе плохо.

– Неважно, что думает обо мне мастер. Главное, что думаешь обо мне ты!

– Думаю и знаю...

За окнами смеркалось, они сидели на циновке, беседовали о будущем, гадали, когда закончится вражда.

Совсем стемнело. Татсу зажёл свечу на низком столике. Тени играли, мимически оживляя костяную фигурку Хотэя: его круглые живот и лицо. Божок сидел, поджав пухлые ноги, на шёлковой тряпочке на столике.

– Светится... Мастер говорил правду, – согласился Татсу, глядя на меч. Лезвие блестело голубой молнией.

Они вспомнили о том времени, когда впервые пришли к учителю. В перерывах между упражнениями Шуинсай рассказывал воспитанникам много красивых легенд о благородных самураях, монахах и воинах, бродивших в поисках своей души. Одна из легенд понравилась Татсумару больше остальных, помнится, называлась она «Легенда о слепом самурае». Татсу представлял себя на месте слепого странствующего непобедимого ронина, защищавшего деревню от набегов врагов. Аяме понравился рассказ о мудром Сабэи комусо.

– Татсу, ты кого-то ждёшь? – спросила девушка.

– Кроме тебя, я ни с кем не хочу быть! – ответил он, взяв нежно за руку Аяме, тихо произнёс:

– Я хочу быть героем, но только для тебя одной!

Аяме восторженно посмотрела на него и ничего не ответила. Неужели она отогрела сердце юноши и воспламенила в нем самые нежные чувства?

В ту ночь воздух был удивительным. Туманная полоса Млечного Пути тянулась по небу среди сплетающихся созвездий, и казалось, звёзды светят необычайно ярко. Совсем стемнело, и в сумерках слышался шум горного водопада и стрекотание цикад. Татсумару чувствовал себя самым счастливым человеком на земле, потому что он заслужил признание наставника и любовь Аяме.

– Татсу, ведь мы с тобой больше, чем друзья? – спросила Аяме.

Юноша кивнул и попросил девушку снять с себя повязку. Девушка, улыбнувшись, развязала повязку, положив её на столик. У многих объединений не было ни повязок, ни симво-

лов. Мастер Шуинсай уважал ниндзя и самураев, но семья ниндзя без символа, как цветок лотоса без воды.

– Ты осознал: чтобы сделать мир красивым, нужно самому научиться сажать цветы в пустыне! – эти слова девушка произнесла, глядя в глаза любимому.

Она легла рядом, прижалась к нему спиной. Даже в темноте Татсу видел плавный изгиб линии тела. Он лежал с ней и ничего не говорил, затем нежно повернул девушку к себе, провёл пальцами по её губам, поцеловал. Осторожно, но решительно просунул руку под юката, пытаясь освободить Аяме от одежды, лёгким движением поднял низ ткани до бёдер. В объятиях любимого Аяме чувствовала себя в полной безопасности, но слегка дрожала от прикосновения сухой, жёсткой, шероховатой руки. Она лежала неподвижно, напряжённо. Тишина и мрак помогали скрывать волнение и стыд. Он смотрел в её закрытые глаза, и целовал... Ночь им показалась слишком короткой.

Глава 7

Два корабля под прямыми парусами чёрного цвета, подгоняемые попутным ветром, шли на север, в Ояму. На палубе, освещённой факелами, вплотную друг к другу лежали разбойники. Собравшиеся в каюте японцы, христиане-индусы, европейцы, пили за первую в истории Ямато императрицу – Ёсида Суа.

Высоко в небе сияла луна. Генерал Хавасан на белом породистом скакуне поглядывал с высокого холма вслед корабельным разводам. Пучок волос собран бледно-серой лентой, металлические доспехи играли серебристым блеском, большой и малый мечи укреплены на боках, на поясе висели фляга из тыквы-горлянки и склянка с целебным снадобьем.

Хавасан поднял руку, войско из Симидзу приготовилось к спуску. Главнокомандующий громко, чтобы каждая храбрая десятка услышала его, скомандовал:

– Вперёд!

– Нужно идти в обход через Ураву, – пояснил он сотенным, – мы не потеряем много времени, минувя скалы, перейдём вброд реку Тоне.

– Из Кавагоэ до Оямы примерно двадцать ри, нельзя терять ни минуты, – сказал один всадник в матерчатом шлеме. – Как только солнце взойдёт, мы достигнем зелёных равнин.

– Вперёд! – эхом повторяли командиры.

Всадники мчались, пыль застилала округу. Камни разлетались под копытами лошадей. Хавасан скакал впереди, указывая путь к изумрудным равнинам Уравы. Воины не отставали от генерала и его знаменосца – узкая колонна быстро двигалась по ущелью, в надежде опередить вражеские судна. Генерал Хавасан кричал ободряющие слова:

– Провожатый в другой мир заждался нас на своей старой лодке, но пусть подождёт ещё немного!

Воины Хавасана настолько сосредоточились на погоне, что не заметили, как добрались до дубово-букового леса Уравы. Тропа, которая вела к реке Тоне, оказалась узкой, и они потеряли много времени. Желание выполнить долг перед императором не покидало их, они знали, что доблестный Хавасан скачет во главе войска, его удача и твёрдая воля приведут воинов к победе. Генерал преданно служил императору и пользовался всеобщим уважением в Эдо, но когда Хадзиме изгнал собственную сестру, таившиеся прежде сторонники клана Ходзе принялись повсюду толкать народ к восстанию против императора Тоды. Попытки восстановить в Эдо порядок стали безнадежными. «Пылающий рассвет» пополнял свои ряды.

Отряду надо было поторапливаться, Хавасан хотел заручиться поддержкой «Красного лотоса».

Конница пронеслась мимо одинокой хижины у водопада. Аяме проснулась и попыталась разбудить Татсу.

– Что нужно? – бормоча сквозь сон, возмутился он. – Мастер отпустил нас.

Аяме всё-таки удалось разбудить его. Татсумару взял подаренный клинок, и они устремились к мастеру. У хижины учителя ниндзя увидели спешившийся отряд. Кони топтались на месте и фыркали, а всадники отдыхали в тени деревьев. Хавасан объяснял мастеру причину спешки:

– По пути нам встретились бандиты. Мы поймали одного из них, с остальными расправились. Представьте себе, пойманный оказался чиновником из Эдо! Он рассказал планы «Пылающего рассвета», но лишь отчасти. Подробности не знает, а может, утаивает... Пришлось долго скакать вдоль берега бухты Тояма, чтобы понять, с какой стороны поплывут два корабля в Ояму. Увидев нас, корабли поплыли дальше.

Вероятно, бандиты и чиновник ждали встречи, чтобы он присоединился к ним. Мы помешали...

Встреча с бандитами задержала отряд, спешащий на помощь императору.

– Корабли должны выйти из залива Вакаса в Японское море, но они вышли из-за мыса Сиономисаки, – заключил Хавасан.

– Теперь вы здесь, и потерянное время не вернуть, – сказал мастер Шуинсай. – А кем оказался этот чиновник?

– Не знаю, для меня он – предатель! – холодно ответил Хавасан.

Странно, что корабли шли в Ояму, куда император отправил жену и дочь. Наверное, во дворце предатель, а может, это совпадение?.. Шуинсай решил: деревню покидают все, а с Рикиморо остаётся десяток новых учеников из Мацудо. Учитель дал Рикиморо снотворное и оставил ему еды и питья. Через несколько дней ему станет лучше, и он сможет ухаживать за собой. Мастер делал вид, что не замечает многозначительных взглядов любовной парочки, наверное, вспомнил свою молодость, улыбнулся и промолчал.

Двое солдат отправились во дворец Тоды, чтобы известить о кораблях и взять с собой подкрепление. До рассвета оставалось несколько часов. Конный отряд Хавасана поскакал вперёд. На равнинах Уравы располагалось много деревень. Самая большая – Поэ, она получила название в память одного великого воина. Легенда гласила, что когда-то на землях Уравы воевали два клана: Тайра и Минамото. Они боролись за господство над плодородными землями. Войска клана Тайра возглавлял молодой полководец Поэ Кинтаро, не знавший поражений. Свою жизнь он посвятил войне, а в мирное время не смог найти для себя достойного занятия. Но мир легко разрушить, и Поэ развязал собственную войну. Неуязвимого воина никто не мог одолеть.

В маленькой деревушке жила красивая мудрая девушка по имени Сакура. Отыскав воителя на равнинах Уравы, она пообещала Поэ раскрыть тайну жизни, если он прекратит войну. Воин согласился, девушка подарила ему восхитительную ночь и исчезла.

Много дней и ночей влюблённый искал Сакуру, но безрезультатно. Чувства оказались настолько сильны, что однажды люди нашли бездыханное тело Поэ в одинокой хижине на окраинах Уравы. Любовь победила войну. Крестьяне похоро-

нили тело воина с почётом, а утром на могиле стало расти маленькое деревце, которое весной цвело бледно-розовыми цветами. Дерево назвали по имени девушки – Сакура. История Японии богата красивыми легендами...

Дозорный отряд доложил, что один корабль остановился, а второй пошёл дальше. Хавасан разделил войско на две группы, одна отправилась с ним вслед за кораблём, а вторая осталась с ниндзя. Лао сохранял спокойствие – он надеялся на учеников. Мастер Шаунсай, наоборот, сильно волновался. Несмотря на то, что Лао и Шуинсай братья, их взгляды на жизнь сильно различались: Лао легко посылал учеников на верную смерть, а вот Шуинсай дорожил каждым. Учеников – Рикиморо, Аяме и Татсумару – он считал своими детьми.

В молодости Шуинсай и Лао боролись за первенство, они служили сёгуну Ёсисаде Хадзиме, и Лао сумел добиться признания повелителя. Император Тода наделил старшего брата крупным участком земли при условии, что Лао создаст школу искуснейших воинов. Младшему брату досталась в наследство маленькая деревушка старых дзи-самураев – Ампарау, жители которой теперь отдавали своих детей в клан с названием «Красный лотос». Мастера обучали не только детей самураев. Отец Рикиморо, например, не принадлежал к благородной касте, но учитель согласился принять способного мальчика и сделать из него мужественного воина. Рикиморо и Аяме по традиции не могли претендовать на звание самурая, но искусство учителя сделало юных воинов настоящими ниндзя – знатоками единоборств, способных мастерски владеть смертоносным мечом и иным оружием.

Ниндзя наблюдали за кораблём, открыто выступив навстречу непрошеным гостям. Враги, приплывшие на судне с чёрным парусом, готовились сойти на берег.

Возглавляла десант из нескольких сотен воинов высокая крепкая женщина с длинной косой в голубых доспехах. Юбка из твёрдой материи, блестящие сапожки, не ограничивая движений, позволяли ей грациозно шагать. Её шея и плечи были оголены. Одной рукой она крепко держала отведённый назад узкий изогнутый меч, а вторую так сильно сжала в кулак, что твёрдые крепления нарукавника на её ладони закрипели.

Рядом идущие с ней совсем не походили на простых горных бандитов. Их доспехи состояли из жёстких кожаных полос, а шлемы, прикрывающие лица, изготовлены в виде оскаленных ликом демонов и животных. Суа-химэ сопровож-

дал долговязый воин в чёрном тонком кимоно без рукавов. Широкие штаны держались на узком поясе и прикрывали обувь, тёмные волосы сплетены в маленькую косичку. Его запястья перемотаны широкими полосками ткани, а жилистые руки сжаты в кулаки. Это генерал Тсенг, он шёл без оружия.

Два отряда остановились друг напротив друга перед неглубоким оврагом, под ними стремительно скользил ручей и срывался с высокого обрыва в море.

– Сложите оружие и присоединитесь к нам! – закричала женщина и подняла клинок над головой. – Вы служите не тому повелителю.

Слышалось роптание с обеих сторон. Она увидела человека, показавшегося на высоком холме, и снова закричала:

– Мастер Шуинсай, это твои?

– Мерзавка! – бросил старик.

Удивление на лице учителя Шуинсая сменилось презрением. Боя не миновать.

Небо потемнело от туч, ударил гром, под большими каплями дождя отряды смешались в вихре боя. Солдаты Хавасана сражались самоотверженно, однако и противник обладал не меньшим боевым искусством. Лао защищал спину брата, его чёрные ниндзя старались не подпускать к мастерам сильных воинов.

Тем временем другая часть отряда ниндзя незаметно по берегу сопровождала второй корабль.

Женщины с детьми, увидев судно с чёрными парусами, убегали прочь от своих домов.

Выпрыгнув на берег Оямы, наёмники с факелами бросились в деревню, стали поджигать соломенные хижины, со звериным воплем, теряя боевое единство.

Вторая часть войска Хавасана спустилась с холмов и устремилась в Поэ.

Император Тога, узнав о набеге «Пылающего рассвета» на Ояму, чуть не потерял дар речи. Как Суа узнала, что там его жена с дочерью? Может, такое совпадение случайно?

Накомото взял три сотни воинов и отправился в путь. От Эдо до Оямы около десяти ри. Генерал сомневался, что успеет помочь, но скакал во весь опор...

Темноволосый с перемотанными руками сражался, не поднимая глаз. Тсенг перемещался так, будто знал, куда обрушится следующий удар.

Предводительница бандитов отправила в ад, или «за реку Сандзу, в Дзигоку», многих воинов Хавасана.

Татсумару видел каждое её движение: она разила, закручиваясь в пируэте, не позволяя никому приблизиться. Лязг металла и крики раненных воинов перемешались с шумом дождя. Небесные столпы дрожали перед глазами у тех, на кого падали блестящие мечи.

Нет доли благородней, чем умереть за императора!

Дождь постепенно размывал землю под ногами, и она превращалась в скользкую грязь. Промокшая Аяме чувствовала, как стынет кровь. Далеко от мастера, виртуозно писавшего мечом кровавую фреску, она не отходила, но страх перед смертью закрался в её душу. Татсу пытался приблизиться к женщине в сияющих голубых доспехах. Холм, издали бугристый, вблизи оказался засыпан мёртвыми телами. Клинок Татсу блестел от крови врагов. Лиловый ниндзя медленно поднялся по серым валунам и громко выкрикнул своё имя и родовой клич, как подобает самураю:

– Я – Татсумару, воин «Красного лотоса»! Прими мой вызов, смелая разбойница!

Суа повернулась, безумно улыбающаяся, поправила чёрную косу, упавшую на правое плечо, ответила:

– Ты – никто, уходи.

Татсумару не уходил, он жаждал проявить свою храбрость и мастерство в бою с самым знатным и виртуозным противником, который неспроста встретился в его жизни!

Аяме окликнула учителя и показала на высокий холм. Мастер хотел помочь, но стена из новых злодеев перегородила путь.

Лиловый ниндзя не спускал с Ёсида Суа глаз. Влага дождя ручьями катилась с его волос, а он не ощущал холода, тело задеревенело, стало чужим. Мечи скрестились над головами.

Аяме приготовилась метнуть звёздочку, но не могла прицелиться – Суа и Татсумару беспорядочно перемещались.

Вдруг над холмом, извиваясь в чернилах небес, сверкнула голубая молния. Гром оглушил Ураву: с корабля раздался пушечный залп. Кусок скалы, на которую в запале боя поднялись Татсу и воительница, откололся и обрушился в море. Падая, Татсумару машинально убрал меч в ножны за спиной, как это сделала и она.

Плюхнувшись в воду, юный ниндзя поспешил вынырнуть, и они оказались на поверхности одновременно. Татсумару ещё удивился, увидев близко лодку. Последнее, что он заметил – потемневшее от гнева лицо соперницы. Камнепад осыпал обоих, один из камней упал на него.

Аяме ринулась к обрыву. Безрезультатно всматривалась девушка в бушующие воды морской бездны, поглотившие любимого.

– Татсу... нет!!! – жалобно крикнула она.

Мастер оттащил её от обрыва, девушка упала на землю и горько заплакала:

– Убейте и меня!

Учитель оставался возле Аяме, но ничем не мог помочь её горю. Исчезновение Татсумару глубоко ранило сердце мастера, ведь он любил этого юношу, непростым характером похожего на сына, Шиничиро.

– В смерти Татсу виноваты вы! – упрекнула Аяме учителя. – Вы всегда плохо относились к нему.

Мастер Шуинсай ничего не ответил на обидные слова, твёрдо взял за руку Аяме, поднял с земли и сказал:

– Пойдём со мною, девочка, бой ещё не окончен! Оглянись, вытри слёзы, и вспомни, для чего мы здесь. Император ждёт нашей помощи.

Простые слова мастера магически подействовали на Аяме.

Вскоре сражение завершилось. Лао безжалостно расправился с последним врагом. Настало горькое время подсчитать потери защитников императора. Погибли многие ученики мастера Лао, из отряда Хавасана осталось не более десятка раненых воинов.

Мастер прижал к себе Аяме, успокаивая, гладил по мокрым волосам, шептал:

– Такова судьба воина. Такова судьба...

Суровый Лао поднялся на холм, окинул взглядом окрестности, где происходил бой, произнёс:

– Мои ученики славно воевали, и с честью полегли.

Он не понимал скорби брата о смерти одного ученика: одним больше, одним меньше...

Злодеи, бесчинствовавшие в Поэ, нашли последний привал в кленовом лесу. Хавасан лично захватил в плен несколько бандитов, одетых в кожаные доспехи, пленные вели себя достойно, не просили о снисхождении, и Хавасан сам лишил их

жизни, проявив тем самым уважение. В воздухе далеко воняло палёной соломой и порохом, от огня пострадали рыбацкие деревушки вдоль побережья бухты на значительном расстоянии.

Корабль разбойников убрался невредимым. Лао и его ученики остались в Ояма охранять покой жены и дочери императора Тоды.

Учитель Шуинсай не оставлял Аяме, шёл рядом. Девушка не могла свыкнуться с мыслью, что Татсумару больше нет. В Ампаруа мастер Шуинсай упросил Аяме, чтобы девушка отдыхала в его доме. Она опустилась на циновку и отвернулась к стене, и вскоре уснула, чуть слышно посапывая во сне, оставив на время жестокий мир реальности.

Глава 8

Слуги – трое солдат из Киото, вынесли на берег Татсумару и Суа. Их дожидалась группа всадников. Предсказание мудреца сбылось. Дрожа не то от холода, не то от злости, Суа оглянулась вокруг, пытаясь сориентироваться. Дождь хлестал по лицу, по глазам. Перед ней лежал, в неестественной позе, раскинув руки, враг. Ёсида Суа достала клинок и подняла над телом Татсумару.

– Я прикончу тебя, наглец! – процедила она сквозь зубы.

Вдруг у юноши пошла изо рта вода, и он что-то проговорил. Женщина наклонилась к нему.

– Где я? Что?..

Она смотрела в его полуоткрытые глаза, очарованная их красотой, забыла на миг, что перед ней враг. Им повезло. Выбраться живыми из смертельной передраги...

А что, если ей... воспользоваться его потерей памяти?

Женщина опустилась перед юношей на колени. Солдаты удивлённо наблюдали.

– Отвернитесь! – бросила Суа.

Приподняв противника, положила его животом на своё колено – Татсумару поперхнулся оставшейся водой, закашлялся, несколько минут отплевывался. Приоткрыл глаза и попытался подняться, соскользнул спиной на песок. Сквозь плену перед ним возникло улыбающееся лицо незнакомки, её чёрная, как смоль, коса легла ему на грудь. Татсу пытался подняться, но не смог.

– Что стоите? Помогите... перевяжите рану. Быстро! Переоденьте.

Воины помогли ему сесть, перевязали рану на голове. Женщина с почтением произнесла:

– Я рада, что вы живы, принц Сейдри.

Татсумару хотел ответить, но не хватало сил. Слуги переодели его в тёмное шёлковое, расшитое золотыми нитками кимоно.

– Неплохо. Вот и подобающий наряд для принца! – оценила Суа, разглядев, наконец, что в настоящий момент они находятся на окраине Эдо.

Здесь задерживаться не следовало. Если их заметят солдаты императора или ниндзя, то её коварный план провалится.

– Берите его, – приказала она. – Посадите на коня.

– Ваши сапоги, госпожа?

– Они промокли, глупцы. Оставьте...

В пути Татсумару снова начал понемногу «плыть». От боли голова раскалывалась, было такое чувство, что его темя и виски использовали вместо наковальни.

– Подождите, – заговорил он.

Суа услышала и остановила отряд.

– Госпожа, нам не следует здесь задерживаться, – возразил солдат. – В Киото ждут известий.

– Ничего. Дождутся. Мы едем в Осаку.

Татсумару сполз с коня на землю. Сильное головокружение не прекращалось. Солнце находилось высоко в безоблачном небе, оно светило ему прямо в глаза; прищурившись, он смотрел на женщину.

Всадница ловко спрыгнула с лошади. Босая, она стояла напротив солнца, и юноша смог разглядеть спутницу. Высокая, сильная и достаточно симпатичная. Она опустилась на колени и прочитала в глазах юноши вопрос, требующий немедленного ответа:

– На нас напали и выбросили в океан, – солгала она.

Татсумару взял её за руку, приложил узкую ладонь с длинными пальцами к голове:

– Посмотри, что у меня там.

Женщина заверила бодрым голосом:

– Не волнуйтесь. Рана небольшая.

– Как тебя зовут? – спросил Татсумару.

– Вы что, не помните, Сейдри? Моё имя Суа.

Юноша нахмурился и, пригладив свои блестящие волосы, снова спросил:

– Как мы здесь оказались? Что мы делали? Куда направляемся?

Суа попросила не задавать много вопросов.

– Надо спешить и сейчас не время для разговоров, – объяснила она. Пока не придумала, что ему сказать.

Сейдри согласился, посадил её на коня, путешествие продолжилось. Тёплый ветерок с океана ласково трепал волосы. Суа успокоила, что они едут домой и там подкрепятся. Юноша перестал задавать вопросы, наверное, задремал.

За четыре дня пути они отдыхали редко, подкрепляясь рисом. На пятый день дорога привела их к озеру Бива, если бы оно не преградило им дорогу, то путь сократился бы на десяток ри, а так пришлось огибать озеро.

Бива – самый большой водоём на острове Хонсю. Суа решила сделать короткую стоянку, они остановились вблизи берега. Дно было гладким, вода манила прохладой, но купаться в озере желания не было! Кони, напившись воды, принялись жевать траву. День заканчивался, солнце, словно большая птица, возвращаясь в гнездо, садилось за горизонт. Всем требовался отдых.

Растянувшись на земле, Сейдри достал из бархатных ножен клинок, воткнул в песок и спросил у женщины:

– Откуда он у меня?

Суа, недолго думая, ответила, что это самурайский меч, почти такой, как у неё. Женщина протянула своё оружие. Сейдри принялся его рассматривать. Рукоять меча выполнена из слоновой кости. Красные искры рубинов вставлены в золотые фигурные касты в виде многолепестковых цветов. Позолоченная крестовина и оправа украшены затейливым чёрным орнаментом и драгоценными камнями. Юноша вопросительно глянул на спутницу, высказав удивление великолепием клинка. Суа ответила, что подобным оружием награждают за храбрость.

Сейдри пытался рассуждать:

– Я принц... На меня напали, бросили в океанскую пучину.

Мысли путались, а вопросов оставалось много...

Как только стемнело, Суа собралась в путь. Кони быстро скакали, и к вечеру они вошли в деревянные ворота.

Город скрывался за живой зелёной бамбуковой стеной, бамбук посажен в пятнадцать рядов. Возле ворот дома лежала широкая, вкопанная в землю старая каменная плита, на которую некогда ставили носилки императора.

Коней спутники поручили слугам, а сами пошли по дорожке, выложенной мелкими камнями. Камешки оказались мозаикой, образующей причудливую ломаную линию. Зигзагообразные дорожки предназначались для сбивания с толку злых духов, считалось, что духи двигаются прямо и не понимают зигзагов. Узкие вела к отдельным хижинам, та, что пошире, уходила в каменный дом с треугольной покатой крышей.

В доме не спали, в больших окнах горели свечи, путники вошли и поднялись по лестнице. У входа в комнату стоял невысокий человек в серых кожаных доспехах с длинным копьём в руках. Увидев Суа, он поклонился, поприветствовал:

– Мы рады вас видеть, госпожа!

Страж отодвинул белую фусума и пропустил гостей. Лысый старый толстяк в тонком кимоно чёрного цвета с длинными усами и маленькими глазками сидел на татами за низеньким столиком, поджавши под себя ноги. Он уплетал жареную рыбу с жадностью, не вынимая косточек. Оторвавшись от трапезы, он поднял глаза навстречу вошедшим и чуть не подавился.

Толстяк был мудрецом из клана «Пылающий рассвет». Любовь к поэзии соперничала с его главной страстью: он любил много и вкусно поесть, проще говоря, страдал ожорством. Мудрый толстяк Генбо – так его звали: то, что он предсказывал, всегда сбывалось. Перед походом на кораблях он советовал не покидать мыс Сиономисаки и не выходить из Киото. Суа не прислушалась, и поход сорвался. Толстяк перестал есть, поднялся.

– Я вас приветствую, леди Коридвен! – торжественно произнёс он, приложив пухлую ручонку на грудь, поклонился.

– Ты, как всегда, оказался прав, мудрец, – недовольно ответила Суа.

– Вот и заработали, что хотели! – бросил Генбо.

Как толстяк осмелился улыбаться, ведь она потеряла всех, кого привела в Ураву и Ояму!

– Скажи, мудрец, Тсенг жив? – холодно спросила Суа. Речь шла о войне с перемотанными руками. Суа огорчало, что в том бою мог погибнуть верный её сподвижник, одним из

первых примкнувший к новому клану «Пылающего рассвета». В её голосе зазвучала тревога, а лицо оставалось спокойным, не выдавая волнения.

– Я его не видел, но полагаю, что жив, – ответил толстяк.

– Полагаешь, или... – женщина нервничала.

Суа совсем забыла о своём спутнике. Сейдри с интересом наблюдал за их разговором, совершенно не понимая, о ком идёт речь. Толстяк видел, что она рассержена и попытался перевести разговор на другую тему.

Хозяин дома гостеприимно пригласил за стол, на нём стояло огромное блюдо с рыбой. Пожелав приятного аппетита, Генбо вышел, неслишком пнув пушистого кота. Охраннику сказал, что леди Коридвен не хочет видеть никого, кроме помощников – генералов Тсенга, Масаши. Странная судьба этой женщины сделала её вдовой английского лорда, капитана галеона «Принцесса Скота». Суа представляла себя в роли леди, она мечтала, что победа над императором Тодой раз и навсегда положит предел притязаниям и распрям родовитых кланов – разделив Японию на несколько провинций, одну оставит за собой, а другие раздаст по справедливости, как она таковую понимала.

Путники действительно сильно проголодались. Сейдри и Суа отведали вкусной речной рыбы. Юноша с любопытством стал рассматривать картинки в стиле нихонга на древние самурайские сюжеты.

Три свечи догорали. Татсумару – принца Сейдри – осенила мысль, что главная – это леди Коридвен, средняя свеча – он сам. А вот малая... Кого напоминает ему малая свеча? В памяти всплывало и ускользало знакомое девичье лицо...

Наевшись досыта, путники разошлись по комнатам, прилегли на футоны. Наступила тишина. За окном слышались шелест листья на деревьях и другие тихие звуки ночи. В темноте Сейдри позвал:

– Суа? – ему хотелось поговорить.

– Спи, Сейдри, я устала.

Она засыпала. Завтра он всё поймёт без вопросов. Прежде чем юноша заснул, прошло немало времени. Он пытался восстановить в памяти хоть какие-нибудь воспоминания, но безрезультатно: ни этой женщины, ни толстяка он совершенно не помнил. К тому же болела раненная голова. Наконец

усталость одолела юношу, приток свежего воздуха из окна ласково подобрался и наваял сон.

О чём переживать? Рядом с ним красивая и сильная женщина. «Жив, здоров, сыт, остальное наладится» – с такой мыслью Сейдри и заснул. Ему приснилась девушка, лицо которой, как ни старался, рассмотреть не удавалось, от неё шёл изумительный свет, тепло, она протягивала руки к юноше и плакала.

А в доме Татсумару спала Аяме и видела чудесный сон: любимый и она сидели на зелёной террасе, окружённой белыми и сиреневыми хризантемами. Татсу обнимал её, и что-то шептал на ушко. Девушка хотела дотронуться до его лица, протянула руку, но юноша отшатнулся, резко встал и зашагал к морю, а когда вернулся, его лицо сильно изменилось, словно окаменело. Он холодно произнёс:

– Я никогда не стану твоим героем.

Аяме почувствовала, как по щекам покатились слёзы, быстрее и быстрее. Девушка проснулась, глаза были мокрыми. Сейчас она совсем одинока.

Аяме встала, оделась и отправилась к шумящему водопаду: мерный рокот ледяных струй успокаивал.

Глава 9

Открыв глаза, Сейдри понял, что наступило утро. Он стащил со лба повязку. Крови нет, но голова болела. Голос женщины доносился снаружи. Суа разговаривала с толстяком. Генбо утверждал, что не нужно никуда идти, значит, разумней остаться и переждать несколько дней. Мудрец упрекал её, что она всегда делает по-своему.

Сейдри выглянул в окно, и яркий солнечный свет ослепил его. Он прикрыл глаза ладонью, отошёл от окна, затем спустился вниз и увидел, что толстяк Генбо пытается схватить Суа за руку. Воительница отступила на полшага:

– Я не потерплю подобных вольностей! – и замахнулась рукой, прорицатель чуть пригнулся.

– Берегите себя в пути, повелительница! – покорно проговорил Генбо противным писклявым голосом. Слуги привели осёдланных лошадей. Генбо увидел подходящего к ним Сейдри, поклонился ему и подвёл коня. Суа и Сейдри вскочили в седла.

Теперь им предстоял путь дальше на юг, нужно попасть на пристань Огненного Демона...

Дети императора Гонары, лишённые власти, находились в городе Киото. Специально для каждого был выстроен дворец. Каждый мечтал восстановить былое величие, и захватить обширные земли Эдо и Уравы. В тайне друг от друга они договаривались с крупными феодалами, что жители больших городов: Вакаяма, Сакаи и Кобе, окажут им помощь в захвате власти, пообещав щедрое земельное вознаграждение и послабления в налогах.

Будущие императоры, как они себя мнили, знали, что за сестрой Хадзими пойдут многие, поэтому она удостоилась титула командующей объединённой армией, в которую вступали не только профессиональные воины, но принимались и обычные головорезы – горные бандиты, воры, и немногие корсары с кораблями. Императорские наследники отсиживались в Киото под защитой Оды и ждали новостей, а Суа готовила нападение на Эдо.

В пору, когда шла обычная торговля с внешним миром, один из испанских корсаров предложил чертежи судна-гиганта. Поскольку армии феодалов невелики, коварный план леди Коридвен – построить огромный многопушечный корабль – вызвал небывалый интерес у претендентов на престол...

Дорога вела по холмам до города Танабе. Глазам Сейдри предстали разграбленные и разрушенные дома. По камням и пепелищам бродили женщины и дети. Сейдри не видел мужчин. Суа рассказала, что её воины разрушили город, взяли в плен мужчин для строительства корабля «Опустошитель». «Burning Down» – так назывался корабль на языке иноземцев.

В тихой гавани, за холмом, поросшим густым ельником, строилось нечто огромное, двухпалубное. Судно стояло на стапелях вблизи пристани.

«Огненную пристань» охраняли воины из Киото. Крестьян заставили работать днём и ночью, не щадя себя под страхом смерти их семей.

Крестьяне рубили сосны неподалёку от пристани. На берегу шла распиловка на доски, на бруски. Бруски шли на шпангоуты, а доски на обшивку.

Суа и Сейдри вдвоём поднялись на шканцы. Стук инструментов раздавался повсюду. Работа кипела.

Англичанин, мастер-судостроитель, размахивал руками, и что-то пытался объяснить рабочим мяукающим языком. Суа подошла к ним, и англичанин почтительно поклонился, делая вид, будто снимает шляпу:

– Леди, меня звать Джоном Бейсом, я построю вам прекрасную посудину с пушками, – проговорил он с ужасным акцентом.

– Так теперь здороваются англичане? – удивилась Суа.

– Он сущий дьявол! – отозвался генерал Тсенг, воин с забинтованными руками, маленькими злыми глазами и тонкими губами, сложенными в мерзкую ухмылку.

– Тсенг, я не сомневалась, что ты жив! – увидев его, обрадовалась Суа.

Госпожа повела Сейдри за собой. Они спустились в трюм. Сильно пахло свежей хвойной древесиной. В каюте оба присели на узкую полку, служившую морякам койкой.

Женщина начала свой рассказ, а юноша внимательно слушал.

– Я – Суа-химэ, несчастная сестра злодея Ёсисады Хадзиме, который, умирая, наложил запрет на бракосочетание с целью занять престол. Ни один из трёх преемников императора Гонары не рискнул на мне жениться...

Больше всего поразило Сейдри из рассказа, что Суа стала орудием и жертвой интриг, вещью для коварного Мотохайдуса, советника императора Тоды. Тода – жестокий человек, желавший заполучить трон Киото. Её брат, поставивший своим преемником Хавасана, прожил сорок лет и погиб в походе.

Свой возраст Суа, как истинная женщина, не уточнила, но выглядела она великолепно, только мудрый Генбо точно знал лета воительницы. Она поведала Сейдри о своём плане: не захватывать трон Эдо, а разрушить город, чтобы не усилился в нём другой ослеплённый властью император, который захочет завладеть Киото и другими крупными городами.

Рассказ завершился рыданием воительницы и причитаниями о горькой несправедливой судьбе, он был исполнен так натурально, что Сейдри искренне пожалел женщину и крепко обнял её:

– Ты хорошая и достойная. Я, признаюсь, благодарен судьбе за нашу встречу. Можешь на меня рассчитывать!

Ёсида Суа почувствовала впервые, что перед ней человек, которому не нужны горы драгоценностей и богатый дво-

рец, ему она может по-настоящему доверять. Ещё мгновение – и она растаяла бы в его объятиях, но их беседе помешал высокий краснощёкий человек с бинтами на запястьях.

– Что прикажете делать, леди Коридвен? – с почтением произнёс Тсенг, чувствуя неурочность своего появления.

– Делать? – переспросила Суа.

– Я думаю, что слишком многие остались живы.

– Ампаруа, – тёмные глаза воительницы загорелись. – Камня на камне не оставим, выжжем это осиное гнездо дотла!

– Когда отправляемся?

– Выступим через четыре дня в полночь. За три дня на попутных ветрах доберёмся до Нагаока, через бамбуковую рощу с западной стороны деревни.

Суа посоветовала Сейдри немного освоиться...

– Тсенг, предоставь принцу Сейдри охрану, – приказала Суа. – И пусть сообщат Масаши о выступлении.

Солнце поднялось высоко. Сейдри отправился в Осаку, вместе с ним охрана. Женщина осталась с Тсенгом, они могли спокойно поговорить о планах на будущее.

– Далеко ли он отправился? – спросил Тсенг.

– Наверное, к толстяку, ведь, кроме прорицателя, принц никого не знает, а тот лишнего не скажет.

Они продолжили прерванную беседу о военных планах:

– Западная сторона, говорите? Оттуда нам придётся идти дальше.

От бухты Нагаока до Эдо путь не близкий. Около тридцати пяти ри, а может и дальше. Это единственный безопасный путь по морю вдалеке от зорких глаз Хавасана. Главное, чтобы удалось реализовать запланированное.

– Сожжём Ампаруа – Тогда лишится главной поддержки, – зло проговорила Суа.

– Я распоряжусь, чтобы в условленное место доставили лошадей.

– Бухта Нагаока охраняется. Послать туда отряд опытных воинов из семьи «Бишумо». Мы не должны тратить силы.

Тем временем Сейдри почти добрался до Осаки. Когда он заехал в маленькие ворота, то увидел рыжеволосого в хори, юноше показалось, что этого человека он где-то видел. Воин, который сопровождал Сейдри, что-то сказал рыжеволосому командиру, похожему на длинноносого демона тэнгу, тот построил отряд и громко объявил о скором выступлении с леди Коридвен. Заметив Сейдри, он приблизился и поклонился:

– Воины готовы умереть за вас и леди Коридвен. – Вы, наверное, не помните, как меня зовут... Генерал Масаша – моё имя, я из Киото, и... ваш покорный слуга. Проходите, принц, в дом. Мудрый Генбо ожидает вас.

Сейдри мучительно вспоминал: где же он видел этого?.. Нет, не вспомнить...

Сейдри зашёл в дом и поднялся по лестнице. Генбо в чёрном шёлковом кимоно смотрел в окно за изгородь соседнего дома, где усики вьюна оплетали ветки китайского апельсина. Не успел юноша войти, как толстяк повернулся к нему и проговорил:

– Принц Сейдри. Усики винограда нежны, но какие сильные!

Сейдри непонимающе уставился на мудреца.

– В окно гляньте, видите, поднялся высоко вьюнок, благодаря китайскому апельсину. Скоро задавит его в объятиях, – толстяк улыбнулся: – Вы что-то спросить хотите? С вопросами всегда ко мне приходят. Вопросов всяких много в мире нынче.

Когда мудрец готовился пророчествовать, речь его изменялась, становилась необычной.

Толстяк загадочно ухмыльнулся и предложил рисовую кашу.

– Она сладкая! – заверил Генбо. – Ведь сладкое Вы любите наверняка? Вот, угощайтесь!

Сейдри взял палочки, но толстяк посоветовал брать еду руками – так, дескать, лучше ощущаешь вкус блюда. Да, руками оказалось лучше. Рис оказался сладким и рассыпчатым.

– Еда отличаться должна не только вкусом отменным, но, хвала Дайкоку, и количеством мала не быть! А если вам не хватит – суп из овощей, приправленный морскими водорослями предложить могу. Густой!

– Думаю, хватит! – риса на блюде выложена целая гора. Сейдри с удовольствием поглощал кушанье.

– Рыбу эту будете? – угодливо предложил Генбо. – А может, кинтон?

– Нет. Я сыт. Мне нужно знать... – начал юноша.

– Всем в той или иной мере знать что-то нужно, главное, насколько это вправду нужно знать, – перебил его мудрец. – Ведь иногда ответ находится в душе. Поймёте сами вы, зачем вы здесь. Подскажет время, коль внимательно смотреть...

Сейдри рассказал свой сон о незнакомой девушке, совсем не похожей на Суа, с ней легко и свободно, словно знал её давно.

Толстяк выслушал и сказал:

– Вот-вот, мы хотим быть с теми, с кем быть не можем. Мы страдаем по тем, кто нас не любит, и губим тех, кто в нас влюблён.

Смысл сказанного остался непонятным для Сейдри. Прорицатель заверил юношу, что со временем он многое поймёт.

– Я никогда не обманываю тех, кто приходит ко мне за советом, – сказал Генбо, усаживаясь на дзабутон. – Правда, могу не договорить, но каждый в моих предсказаниях слышит то, чего ему довольно услышать. Я стараюсь не разочаровывать тех, кто обращается ко мне. Помните, принц, что правда – в душе. Переоденетесь, так будет лучше. Простите, но золотые нити вам не подходят. Одежда в том ящике, – показал Генбо. – Вам понравится!

Юноша достал новую одежду: чёрное тонкое кимоно без рукавов с пурпурными огнедышащими драконами и хакама с орнаментами тех же мифических созданий.

Сейдри переоделся, увидел своё старое кимоно, засунул руку в нагрудный карман и обнаружил индиговый платочек с тёмными шёлковыми буквами. Как только он взял платочек в руки, то почувствовал душевное тепло и сердечную тревогу одновременно. Юноша пытался найти объяснение своим чувствам. Не нашёл. Спрятал платок за пояс новой одежды.

Татсумару вышел к отряду Масаши и провёл с ними остаток дня в тренировках, затем вернулся в комнату, где ночевал раньше.

Ночью фиолетово-чёрное небо расколосось зигзагами молний и содрогнулось от сильного грохота грома. По крыше застучали крупные капли дождя.

Сейдри задул свечу и, заждавшись Суа, заснул. Она вошла бесшумно, повесила ножны с мечом на стену и прошла к себе.

Наутро дождь прекратился. Обильная роса посеребрила распустившиеся хризантемы крошечного садика Генбо. С веранды он, восхищаясь, смотрел на цветы.

Маленький худой человек с двумя пучками собранных на затылке волос прибыл в Осаку. Поверх кимоно на нём была безрукавная накидка с изображением павлонии на светло-

сиреневом фоне. Он спрыгнул с инкрустированного перламутром седла гнедого жеребца. Поклонился:

– Приветствую, Генбо – мудрейшего из мудрецов.

Толстяк слегка наклонил голову, продолжил любоваться садом.

– Яко, вассал Миёсу, – обратилась Суа. – «Бишумо» отбыли?

– Да, госпожа. Император Миёсу и другие...

– Не хочу слышать о них, – нахмурилась Суа. – Скоро, Яко. Скоро...

Он поклонился, запрыгнул на коня, отправился в Киото.

– Сейдри, я ненадолго покину Осаку, – сказала она, выйдя в белом кимоно с вытканными бледно-зелёными цветами.

– Помоги...

Сейдри завязал ей пунцовый пояс, прошитый золотой нитью.

Вскоре Суа уехала.

Два дня Сейдри провёл в изнурительных тренировках с Масаши.

Близилась ночь, Сейдри проверил – на месте ли его клинок. Как только он оставался один, сомнения не давали покоя. Внутренний голос говорил то одно, то другое. Можно ли верить Суа? Иногда она смотрела на него ласково, с надеждой, а иногда пронзала, словно клинком. В голове слышались посторонние голоса и звуки. Так можно лишиться рассудка. Главное, как сказал мудрец, не волноваться. Сейдри успокоился и думал о предстоящей дороге.

Не моргая, он смотрел на беспокойных лошадей, нетерпеливо переминавшихся у ворот. Масаши прервал его уединение:

– Можем не успеть. Выбирайте коня!

Юноша очнулся от тяжёлых раздумий. Стемнело. Отряд двигался лесной дорогой. Хвойный лес незаметно перешёл в лиственный. Иногда из лесной чащи над тропой пролетали филины, недовольно ухали и скрывались. Только звёзды спокойно поблёскивали высоко в тёмном небе.

Преодолев несколько ри, отряд прибыл в бухту. Показался корабль под чёрными парусами, словно тёмная судьба отвергнутой сестры Хадзими отражалась в нём. Или ей просто нравился чёрный цвет? Как только судно пристало к берегу, воины взошли на него.

Суа увидела Сейдри в новом облачении, и отметила, что принц красив. Особенно впечатляюще смотрелись драконы на тёмном кимоно! Юноша улыбнулся и покраснел.

– Грешный храбрый новый мир! – произнесла Суа и указала вдаль.

Трое суток солнце и луна попеременно сопровождали морских путешественников до Нагаоки.

Глава 10

Судно достигло берегов Нагаоки. С пристани махал рукой ниндзя из семьи «Бишумо», но в бухту корабль заходить не отважился. Три большие лодки спустили на воду, чтобы высадиться на берег. Ниндзя, открыв лицо, простёрся ниц перед Суа.

– Поднимись.

Он встал, окинул взглядом пустую пристань.

– «Бишумо» примет моё командование?

– Нет, – холодно ответил он. – Мы охраняем наследников императора в Киото.

Суа нахмурилась. Ниндзя отвёл взгляд:

– С вашего позволения...

– Стой. Близится решающий день. Миёсу знает, что самураи и ниндзя Эдо и Уравы самые опытные противники. Ты не посвящён в планы наследных принцев?

– Нет.

Специальные люди тайными тропами подогнали лошадей к условленному месту.

– Внезапность – лучший помощник и залог успеха, – сказал Тсенг.

– Тридцать пять ри – это день пути, – вздохнул Сейдри.

– Достигнем холмов, там проведём ночь, – ответила через плечо Суа.

Тсенг и женщина ехали впереди, а Сейдри и Масаши сзади, за ними двигались пятьсот воинов.

– Если нападение неожиданно, то воинов достаточно, – сказал Тсенг. – За холмами нас не увидят смотровые из башен Ампаруа.

Масаши проверил оружие и подготовил опасные штучки, изобретённые Генбо. «Слёзные шары», как назвал их муд-

рец. Генбо не только предсказывал судьбу, но и мастерил хитрые предметы для сражений, которые продавал.

Стемнело. Отряд Суа достиг холмов. В небольшой пещере воины развели костёр для предводителей, а сами скрылись в темноту бамбукового леса. Суа, Сейдри, Масаша и Тсенг расположились вокруг костра. Сейдри молчал и думал...

– Очнись! – Суа, подбросила сухого хвороста, взметнувшись снопом искр, которые осветили задумчивое лицо Сейдри. – Что с тобой?

– Ничего, – пожал плечами он. Помолчал и спросил: – Ты не в настроении?

– Я взбешена, императоры понимают, что Эдо не сдастся без боя, но отказались помогать...

– Я слышал. «Бишумо» – великая семья?

– Нет, – задумчиво покачала головой Суа. По тому, как она ответила, Сейдри понял, что императоры Киото не полуют от неё и кусочка земли Эдо.

На рассвете всадники приблизились к холмам, склоны которых сплошь покрывались бамбуковой порослью. Сердце Сейдри заколотилось, он почувствовал, что бывал здесь раньше. Отряд вплотную подошёл к изгороди деревни. Утренний туман прикрывал их. Часовой на вышке спал и не заметил, как «Пылающий рассвет» вплотную приблизился к Ампаруа. Воины приготовили луки, туго натянули тетиву. По команде Тсенга зажгли и пустили в смертельный полет стрелы, которые мгновение спустя, достигли цели – впились огненными жалами в соломенные крыши хижин. Жители выскакивали из них, спасаясь от полыхающего вокруг пожара. Мастер Шуинсай разбудил чиновника:

– Враги жгут деревню! Готовы к схватке?

Гохд, продрвав глаза, растерялся:

– С кем?

Ниндзя обнажили мечи и с криком ринулись в бой. Они убивали каждого чужака, кто попадался им на пути. Огонь быстро охватил всю деревню, опалил бамбуковый лес.

Ветер дул в сторону Эдо и понёс горелый запах. Во дворце гостили ученики мастера. Местный врачеватель лечил Рикиморо, Аяме его сопровождала.

– Что происходит? – забеспокоился Рикиморо.

– Ампаруа горит! – воскликнула Аяме.

Они услышали, как Хавасан и Накомото подняли кавалерию и спустя несколько минут направились в деревню. Слуги Мотохайдуса предоставили лошадой Рикиморо и Аяме, которые поскакали в сторону дымящихся домов.

Бой разгорался, как пожар, с необычной силой.

– На холм! – крикнула леди Коридвен.

Самураи окружили дом мастера. Меч молнией сверкал в руках учителя Шуинсай. Чиновник Гохд сражался рядом, неплохо орудовал копьём. Вместе они положили немало врагов. Лязг металла и глухие крики слышались повсюду.

Сейдри с обнажённым клинком забежал в хижину. Мастер только что зарубил одного из нападавших. Меньше всего ожидал он увидеть здесь погибшего Татсу. Удивление отразилось на лице учителя. Ничего не понимая и продолжая бой, старик крикнул:

– Татсумару, это ты?

Сейдри рубанул, но мастер искусно парировал удар. Сражались два достойных соперника. Мастер хорошо защищался, а Сейдри не переставал нападать. Суа Коридвен вломила в хижину и ударила чиновника, Гохд упал. Она оттолкнула Сейдри и бросила шар в лицо мастера. Шар разбился, встреченный мечом, и слёзные пары ослепили старика. Учитель закрыл глаза, но сумел уйти от нового удара Сейдри. Следующий – достиг цели. Шуинсай почувствовал резкую боль, зашатался.

– Будь ты проклята, Ёсида! – проговорил старый ниндзя дрожащим голосом и повалился на татами.

Повергнув мастера, Сейдри испытал странное чувство, словно лишился своей половины. Не понимая собственных чувств, юноша взял меч поверженного противника и начал разглядывать. Клинок удивительно походил на тот, который был у него в руке. Недоумение неожиданно прервал ворвавшийся в хижину беловолосый ниндзя.

– Татсумару, ты жив? – удивлённо вскрикнул беловолосый. – Что ты здесь делаешь?

– Моё имя Сейдри, – ответил тот неуверенно. – Кто ты такой?

– Я твой друг, Рикиморо.

Беловолосый смотрел с недоумением. Увидел учителя, лежащего на полу, залитом кровью:

– Вы ранены?

Рикиморо, сверкнув глазами, отпрянул от друга:

– Почему у тебя в руках клинок мастера Шуинся? Ты убил его... Как ты посмел? Защищайся!

Ему казалось, что он знает этого человека, и Сейдри не хотелось убивать его, он защищался. Точным ударом клинка Сейдри вскользь прошёл по голове противника и рассёк ему бровь. Кровь залила лицо Рикиморо. Тот оступился и присел на колено, поднял для защиты меч. Какая удачная мишень для смертельного удара!

В хижине зазвучал звонкий голос Суа, который издевательски произнёс:

– Посмотрите-ка на дедушкиного ученика, он сплеховал!

Рикиморо кинулся на неё, но сразу отлетел от удара ногой.

– Злишься! Разве наставник не говорил тебе, что страшнее противника, чем злость, не найти! Живи, недоучка! Я сегодня добрая! Пойдёмте, принц Сейдри. Императорские всадники приближаются к деревне. Пора уходить.

Они покинули дом мастера, направляясь к берегу. Бой продолжался. На одно мгновение Сейдри показалось, что среди сражающихся мелькнуло удивительно знакомое лицо девушки. Но где он мог её видеть? Суа подгоняла:

– Поторопимся!

Аяме видела, как человек, похожий на Татсу, выбежал из хижины и устремился прочь. Войдя в дом, она вскрикнула, бросилась на колени перед учителем. Рикиморо слышал, как он тяжело дышит.

– Рикиморо, мальчик мой, это был Татсумару, – прошептал мастер.

Никто не знал, что творилось в данный момент в душе раненного мастера, который не понимал измены ученика. Кровоточила глубокая рана, нанесённая Татсу, но душевная рана была гораздо больше. Почему человек, в которого он вложил часть души, считал втайне сыном, так обошёлся с ним? Мастер Шуинсай угасал, вдруг неожиданно собрав последние силы, заговорил:

– Когда-то я обучал девушку, сестру сёгуна Ёсисады, да, ту самую... Не было никого лучше её. Она спознала с разбойниками Тэнгу, была заточена в замке Тиёда и стала жертвой интриг клана Ходзё, родичей сёгуна. Суа покинула земли Эдо, бежав на корабле англичан. Славный лорд Коридвен топил суда наших врагов, и Суа сражалась на нашей стороне, но,

попав в плен, она присягнула Гонаре и Оде, и получила имя Ёсида. Она хотела сделать мир таким, каким его любила – отважным, грешным, новым... Она восстала против всех! И соблазняла многих... Суа меня любила, а я был женат, и оттолкнул её. С тех пор она лелеет месть... Отмстила...

Мастер замолчал. Сил совсем не осталось. Аяме от жалости рыдала над стариком. Он был ей как родной отец. Рикиморо тоже не смог сдержать слёз. Аяме гладила учителя по взъерошенным седым волосам. Деревня сгорела, и вместе с ней потухла свеча жизни старого благородного ниндзя Шуинсая.

Они похоронили мастера в древней земле Руин чаек. Во время обряда погребения летали и кричали птицы. Согласно легенде, они сопровождают души погибших, летящих к берегам реки Сандзу, пересекающей ночное небо. Бог Эмма справедлив – он обращает эти души в звёзды, и чем больше умирало достойных воинов, тем больше появлялось необычайных созвездий в сумрачных небесах.

Рикиморо и Аяме, выполнив тяжёлую обязанность, отправились во дворец. Беловолосый юноша рассказал Аяме о странном воскрешении Татсу. Она отказывалась верить, ошеломлённая известием.

Советник императора Эдо, Мотохайдус принял непростое, отчаянное в их положении решение – напасть на Киото. Предлагалось воспользоваться тем же самым путём, которым прибыл в Ояму «Пылающий рассвет». Решение советника император, как всегда, одобрял.

– Сбор армии займёт неделю, – успокаивал Году Мотохайдус. – Мы не станем больше терпеть.

Хавасану и Накомото предстояли нелёгкие дни. Завтра они отправятся по провинциям, чтобы собрать побольше новых воинов. Пусть ещё слишком молодых, зато их будет много.

Лао узнал о смерти младшего брата; появившись во дворце, он немедленно отправился к могиле Шуинсая и долго не возвращался.

Глава 11

Каратели деревни Ампаруа с победой вернулись в Осаку. День выдался не жаркий. Тучи сгустились, дул сильный

прохладный ветер. С неба покапывал мелкий дождик. Суа шла рядом с принцем Сейдри.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

– Устал, – ответил юноша.

Сейдри и вправду казался очень уставшим. Он медленно плёлся за ней, размышляя о старом мастере из Ампаруа. Откуда он того знает? Кем ему доводился? Сейдри никого не замечал, погрузившись в себя. Зачем Суа хотела, чтобы старик отправился на тот свет? Чем помешала ей обыкновенная деревня? Приходили на память слова Генбо: мудрец советовал очистить голову от лишних мыслей, но они роились, не давая покоя. Сейдри хотелось только одного – хорошо выспаться. Суа сообщила, что завтра желает ему кое-что показать – ему, принцу, это понравится. Юноша неохотно кивнул, не хотел разочаровывать «свою леди».

Генбо по-прежнему сидел в своей комнате и поглядывал в окно, а кот жрал его рыбу.

Добравшись до футона, Сейдри мгновенно заснул. Снилось, что он стоит на берегу и видит мужчин в тёмных одеждах и девушку. Они наблюдали, как поднимаются от большого чёрного судна клубы дыма. Корабль горел и уходил под воду. Что произошло дальше – неизвестно.

Писклявый крик толстяка разбудил его. Генбо, споря с воительницей, настаивал:

– Армия собирается, как ты не можешь понять... глупая! – убеждал он, отбегая в сторону, чтобы не получить затрещину.

Суа смотрела на него и посмеивалась.

– Армия! – ухмылялась она.

Сейдри вышел во двор, хороший день придал ему новые душевные силы. Солнце ярко светило, но было душно, чувствовалось приближение дождя. Из отверстий в крышах городских хижин валил дымок. Во многих домах сегодня стоит тишина – в них хранят молчание по погибшим. Женщины оплакивают потерю мужей, сыновей и братьев – их теперь будут почитать наравне с домашними ками, духами.

Вслед за юношей дом покинула Суа. Генбо не отставал от неё, не теряя надежду убедить в своей правоте. Сейдри поклоном приветствовал мудреца:

– Она опять не хочет меня слушать! – пожаловался старик.

– Слышал, – безразлично кивнул Сейдри.

Генбо обратился к юноше:

– Останешься со мной, когда я скажу, а пока ни о чём не волнуйся.

Прекрасная всадница в белом дождалась у ворот. Лошадь украшала яркая кожаная уздечка; для Сейдри слуги привели вороного коня. Они отправились в путь, захватив в дорогу двух запасных лошадей.

– Далеко бежим? – поинтересовался юноша.

Суа с улыбкой ответила:

– Когда приедем, увидишь.

Они скакали по холмам, дорога показалась долгой, и Сейдри очень удивился, что конечной целью их утреннего путешествия является священная гора Курама, а не Фудзи-сан.

Курама – не монолитный камень, а тысячекратно увеличенный отвал шлака вулкана цветом от тёмно-серого до буроватого. Многие художники в своих картинах изображали чуть заметный прогиб склонов священной горы. Сейдри вспомнил, что в доме у мудреца Генбо на стене висела именно такая граюра. Тело священной горы не должны попирать копыта, поэтому коней пришлось оставить. Суа уловила недовольное лицо юноши.

– Что там особенного? – хмуро спросил Сейдри.

– Увидишь.

До Белого Храма идти долго! Шум сосновых лесов остался позади. Сейдри удивили приземистые хибары из лавовых глыб – кельи «сидящих в горах», кумирни. Тропа пересекала границу земли и неба, обозначенную воротами тории. Рядом с ними идут паломники. Словно копыта, цокают по камням их деревянные сандалии-гэтта, сотни посохов звякают бубенчиками, чтобы путник не потерялся в тумане.

Давно стемнело, а люди шли и шли, как армия на марше через перевал. Суа поторапливала. Ночное шествие выглядело, как сплошная вереница огней, которая начинается где-то у подножия и, извиваясь зигзагами, уходит в немыслимую высь, к звёздам. Юноша присмотрелся к попутчикам: здесь шли целые семьи.

– Не останавливайся. Уже совсем немного. До тех хижин, – Суа пыталась его подбодрить.

Люди продолжали упорно двигаться вперёд, не зная голода и усталости, многие бормотали мантры, молитвы буддхисатвам:

– Да очистятся шесть чувств!

Здесь, как нигде, постигаешь меру народной любви к священным местам, восхищаешься красотой родной природы, которая живёт в душе японца глубже и прочнее всяких мирских условностей. Здесь постигаешь смысл слов, утверждающих, что даже одно созерцание священной горы очищает человека. На тёмном конусе Курама видна белая полоса. Остатки снега на теневой стороне большого провала, который глубоким, верстовым, шрамом прорезает склон.

Наконец, они добрались до домов, около которых остались на ночлег. Сейдри проголодался, Суа дала несколько ломтиков солёной редьки, сырое яйцо, а одна добрая женщина предложила миску горячего риса и подарила два мягких покрывала, которые могли согреть в холодной ночи уставшие тела. Странно, но спать совершенно не хотелось.

Суа и Сейдри подошли к большому костру, накинув покрывала на плечи. Присели на оставленные кем-то циновки, долго глядели, как ветер разносит искры огня, гаснувшие во мраке ночи. Вокруг стояла кромешная темнота. Уходить под крышу не хотелось: от костра тепло, Сейдри накрылся с головой тёмным покрывалом. Он спал.

Юноше показалось, что он всего лишь задремал, когда Суа сорвала с него покрывало и подняла на ноги. Не давая передохнуть, она взяла его за руку, и потащила на вершину. Наконец-то удалось ступить ногой на высшую точку, чтобы увидеть оттуда восход; словно гигантское алое веко поднималась заря, устремляя божественный взгляд прямоком на Страну восходящего солнца. На поверхности океана в волнах розового света отражались горные цепи, ещё невесомее, чем гряды облаков над водой.

Картина величия природы потрясла юношу, в мыслях он парил выше – там, где ему должно быть лучше, чем здесь. Вдруг образ молодой и до боли знакомой девушки предстал перед ним, но сейчас он казался не столь значительным и не таким дорогим, как раньше. Сейдри выбросил из головы тревожные мысли.

– Где край покоя и вечности, где находится моё сердце? Отзовись, – полёт его души прервала Суа. – Желает ли ты, чтобы увиденное стало нашим? Ты сильный и честлюбивый – хорошо! Мы сможем победить любого врага. Пообещай, что отправишься со мной!

– Обещаю, – ответил Сейдри.

– А теперь отблагодари меня! – ласково проговорила Суа, увлекая юношу в келью.

На гребне кратера расположилось белокаменное сооружение, и эта келья была его малой частью. Суа и Сейдри вошли. Внутри пусто. На белёной стене яркое изображение карты мироздания – мандалы. Терракотовая статуя Будды. Монахи представляли своего бога в виде маленького лысого толстяка, умиротворённого в океане вечного блаженства – нирване. Генбо, брея голову до блеска, подражал божеству.

В глубине помещения стоял курящийся жертвенник. Суа подбросила хвороста, отошла на пару шагов и взглянула назад вполоборота, обхватив себя руками попросила:

– Согрей меня, Сейдри... здесь холодно.

Сейдри, дрожа и от холода и от страсти, постелил на земляной пол тёмное покрывало для Суа, возлёг с ней и страстно стал целовать глаза, щеки, розовые губы... Вскоре любовники ощутили себя на вершине блаженства...

Прошло немало времени, они выспались, слегка замёрзли и собрались уходить. В последний раз обнялись, привыкая к новизне ощущения. На душе – мировая гармония. Сил, хоть отбавляй! Теперь они готовы к длительному спуску, который станет короче, чем подъём...

Сейдри и Суа вновь оказались у подножия священной горы. Суа громко свистнула, появились чёрные скакуны.

– Возвращаемся, – сказала Суа.

– Да, – согласился Сейдри.

Во время короткого привала Сейдри поинтересовался, почему она выбрала именно его, а не кого-нибудь другого.

– Кого? Принцы из рода Ямато женятся только на девушках из рода Фудзивара. Мои генералы не знатны, мои союзники алчны. Эти люди жаждут от меня несметных богатств, достойных императора, я им нужна, – ответила Суа. – Но лишь с тобой я познала любовь. Ты так похож на... («молодого Шуинся», – подумала Суа), но ты другой, ты – настоящий. Мой!

Сейдри удивился, как уживаются совершенно разные истины в красивом теле воительницы: сила, ловкость, решимость, безжалостность и трогательная женственность.

– Суа, а я – на самом деле я принц крови?

– Конечно, Сейдри, – солгала она.

– Тогда я нарушаю традицию! – воскликнул он.

Суа чувствовала, что юноша влюблён в неё, и она давно не испытывала тёплых чувств к мужчине. Может, потому, что давно никто искренне не восхищался ею, не любил нежно и страстно? Она понимала и другое: Сейдри не желал стоять в ряду подобных, он стремился к лидерству, величию и власти. Пусть будет так!

Суа рассказала, что наступают дни, которые решат их судьбу. Тсенг и Масаша готовят флот. Главное, что на одном корабле установлены крупные пушки, которые смогут разрушить дворец. Большой корабль, обшитый листовой медью – надежда лишённых власти наследников императора на завоевание Эдо, а леди Коридвен – их мстительная цепная ведьма.

Когда они прискакали обратно в Осаку, Масаша сообщил, что небольшая, но верная ему армия через два дня будет полностью готова к походу.

Занятная собралась компания, порождённая войной, несчастьем, презрением: молодой генерал Масаша, не отличавшийся военным мастерством, но преданный воительнице – похож на своего отца, разбойника Кагасиро Тэнгу; генерал Тсенг – некогда обычный наёмник, безжалостный убийца, покушавшийся на Мотохайдуса и помогавший банде Тэнгу освободить Кагасиро из заточения на ядовитом серными испарениями острове Удонэсима.

Яркой фигурой среди сторонников Ёсида Суа был мудрец – предсказатель Генбо. Впрочем, он вовсе не собирался сопровождать её в походе, а предпочёл дожидаться исхода сражения дома. И, наконец, она сама, Суа-химэ, не причислявшая себя, однако к изнеженным женщинам голубой крови. А теперь и Сейдри – убийца собственного учителя и предатель по неволе.

Наступила ночь. Небо искрилось звёздами. Ярко светило око, которое указывало на восток, в сторону Эдо. Кони топали и храпели в темноте загона, еловые лапы трепал ветер. Суа и Сейдри не спали – древняя японская традиция йобай: романтика и любовь... «он к ней подкрадывался ночью, она его не прогоняла, и жили так, пока не становились мужем и женой».

Из Киото прибыло подкрепление из трёх тысяч воинов. Масаша выглядел довольным: это первая армия, которой он командовал.

– Завтра мы отбываем, – объявила Суа и направилась в дом.

Генбо, под покрывалом, около костра беседовал с юношей. Они смотрели на языки пламени:

– Звёзды неблагоприятны. Посмотри. Близится плохой день, тебе лучше остаться, – советовал мудрец.

– Я не могу... я обещал, – задумчиво ответил Сейдри, не поднимая глаз на небо.

– Принцесса Суа считает, что богатство и сила приведут её к власти, и никто ей не нужен. Уходи, пока не поздно.

– Я обещал! Ясно?

– Каждый выбирает своё, – Генбо замолчал.

Юноша резко поднялся, вдогонку прозвучали последние слова мудреца:

– Как бы ветер не ярился, гора перед ним не склонится.

Наверное, Генбо ничего не понимал в земной любви, способной зажечь страсть, неподвластную разуму. Суа желает построить свой мир: *Грешный, Новый, Храбрый!* Сейдри предназначено занять в нём особое место.

Поднимаясь наверх, женщина спросила:

– О чём вы говорили?

Сейдри промолчал, не хотел портить ей настроение. На мгновение Суа исчезла, появившись из темноты, прижалась к нему. Он почувствовал её обнажённое тело.

«Проблемы решим завтра, а ночь создана для наслаждений», – подумал Сейдри.

Глава 12

За неделю в окрестностях Эдо набралось несколько сотен новых бойцов. Оставшихся в живых гвардейцев назначали командирами десятков, полусотен, сотен. Доукомплектовали конницу вооружённой прислугой. Хавасан и Накомото выстроили воинов на широком помосте, а сами встали с императором. Тода старался говорить громко, как мог:

– Судьба отводит нам тяжёлую непосильную ношу. Я верю, что каждый готов служить мне – императору Японии – верой и правдой.

Слова принадлежали Мотохайдусу, а Тода всего-навсего повторил их.

Хавасан с прямою самурая предупредил новобранцев:

– Кто струсит – заколю!

Стоял светлый день. Безоблачное небо, и парящие в нём птицы – вестники хороших новостей.

Лао пришёл с небольшим отрядом черных ниндзя Тэнчу. Рикиморо и Аяме с остатками «Красного лотоса» тоже были здесь.

Мотохайдус разобрался в чертежах, которые в своё время принёс Татсумару. Корабль имел тяжёлую и вязкую металлическую обшивку, сделать пробоину в ней почти невозможно. Хорошо бы проникнуть в пороховой погреб и зажечь запасы, но на успех трудно рассчитывать. Поэтому бочки с порохом необходимо поднять на борт самим и закатить в трюм. Смельчаки погибнут...

Десять императорских боевых кораблей с белыми реечными парусами стояли в бухте Эдо. Мотохайдус хотел покинуть императора и отправиться со всеми, но Тода не отпускал его. Советник убедил повелителя, что ему необходимо присоединиться к самураям, среди которых находились Рикиморо, Аяме и ниндзя Лао. Даже в одежде он решил не выделяться. Шлем и доспехи плотно облегли мужественную фигуру одноголового советника.

Рикиморо и Аяме накануне вечернего похода вспомнили слова учителя:

– «Ночь – доля той храбрости, какая есть в каждом ниндзя».

Мысль о том, что учителя больше нет, и странное появление Татсу, не давала им обоим покоя. По приказу Хавасана отряды двинулись к бессмертной славе.

В стане врагов тоже не ложились спать, и тоже готовились к походу. Солнце медленно спряталось за горизонт. Суа смотрела в зеркало и причёсывала свои длинные, чёрные как вороново крыло, пряди. На полке лежали: голубая лента, краски для украшения тела и розовая пудра, но женщина и без них выглядела потрясающе. Сейдри подошёл, обнял её, поцеловал нежную шею. Она, не поднимая тёмных глаз, улыбнулась. Отполированный голубой доспех в виде отдельных пластинок засиял в тусклом зареве свечей. Металл на лёгких латах имел достаточную прочность и мог защитить свою хозяйку от сильных ударов.

Генбо в очередной раз просил воительницу не выступать в поход, не советовал этого и принцу Сейдри, но юноша не мог оставить женщину без поддержки. Он готов был погибнуть, если придётся.

Пристань Танабе пустовала. «Опустошитель» спущен на воду, англичанину-корабелу дали обещанную награду: леди Коридвен повелела отпустить его с миром.

Корабль двинулся в путь, его большие тёмные паруса принимали мощные потоки ветра. С ним отправилось пять больших двухмачтовых джонок. Месяц уныло освещал путь навстречу войскам императора.

Корабль довольно быстро двигался на восток. Воины с копьями и мечами получили приказ сообщать обо всём подозрительном. Помимо самураев из Киото, на кораблях плыли горные бандиты и воры, у которых кроме ножей другого оружия не было. Моряки в рваной одежде – всего лишь пираты, но какое это имело значение для Тсенга, он и сам не святой.

Сейдри не отходил от Суа. Они находились на верхней палубе. Юноша видел своё отражение в её сверкающих глазах. Трудно описать чувство, которое он испытывал рядом с ней. Предчувствие разлуки, прочитанное Генбо где-то там, в тёмных небесах среди ярких звёзд, заставляло беречь каждую минуту общения.

– Послушай, я должна тебе сказать...

Сейдри провёл пальцем по её губам и обнял, давая понять, что ничего не хочет знать. Суа положила голову на его плечо:

– Генбо никогда не ошибался. Неужели мы рождены, чтобы погибнуть молодыми? – заговорила она почти шёпотом. – Есть ли место на земле, где не плачут, не страдают...

Юноша признался, что считает часы, проведённые с ней самыми счастливыми, она подарила ему незабываемое.

– Пускай погибнем славными и молодыми, а не от дряхлой немощи, – шептал он ей на ушко. – Нельзя предавать свою мечту!

Они смотрели, как на воду плавно опускался туман и покрывал морскую гладь; слушали, как разбиваются волны о медные борта. Даже влажный прохладный воздух нравился им. Неспешной лентой проплывали хвойные леса, вдалеке за ними едва разглядели вулкан, за макушку которого зацепилось облако.

– Я схожу на нижнюю палубу, посмотрю, – сказала Суа.

Сейдри с трудом отпустил её из своих объятий и ещё раз поцеловал. Он снял голубую тесьму с головы Суа, и шальной ветерок быстро подхватил волосы воительницы, разбрасывая их по плечам. Уходя, Суа тихо произнесла:

– Прости меня.

Он кивнул и сказал:

– И ты прости, – Сейдри попросил прощения за то, что не сможет обещать ей безопасность в бою, не сможет дать такого счастья, каким он должен окружить любимую. А Суа мучилась правдой, но как обо всём рассказать?

Суа ушла, а Сейдри остался один.

Тсенг ходил по палубе, потирал длинные забинтованные руки. Злоба играла на лице в предчувствии кровавого боя.

– Я умру, если кого-нибудь не прикончу! – бормотал он себе под нос, – Эй, вы, что там? Следите за морем.

Он не обманулся. Как только «Опустошитель» и другие корабли обогнули берега острова Микура, Тсенг заметил быстро приближающиеся корабли. Они выростали из тумана.

– Один, два, три... десять. Безумцы, они не знают, что их ждёт! – зло усмехнулся Тсенг.

Матросы забегали по палубе. Суа была рядом:

– Уже близко.

Корабль ошестинился открытыми портами, чтобы палить из пушек. Армада шла навстречу армаде, как игрок тасует колоду карт, как сплетаются пальцы рук. Манёвр занял немного времени.

– Пли! – скомандовал Тсенг, когда по левому борту с их кораблём поравнялся вражеский флагман, идущий на абордаж.

Из чугунных орудий с рёвом вырвались ядра, врезались, пробивая насквозь деревянные борта головного императорского судна. Джонки убавили паруса, замедляя ход. Некоторые уже сцепились абордажными крюками – энтер-дрекками, – и по перекинутым мосткам навстречу ошестинившемуся оружием врагу заспешили самураи Накомото.

«Опустошитель» бил в упор, спастись от его орудий невозможно. Несмотря на пробитые борта, флагману из Эдо удалось подойти вплотную. Бандиты Суа на других судах тоже рвались в бой, брали чужие корабли на абордаж и перепрыгивали на палубу противника. С давних пор морские бои происходили так же: самураи прекрасно владели оружием и на земле и на шаткой палубе джонки – боевой плавучей платформы.

Из тумана вынырнули лодки, неслышно кравшиеся к борту «Опустошителя». Аяме, Рикиморо и группа ниндзя Лао забросили «кошки» и принялись карабкаться наверх. Бандиты, отвлечённые атакой с левого борта, не видели, что творится на правом. Ниндзя Лао, таща с собой концы верёвок, привязан-

ных к бочонкам пороха, стремительно оказались на палубе. Теперь необходимо поднять опасный груз. Тенчу с криками ринулись на врага, ударили в спину, отвлекая на себя.

Рикиморо, Аяме и другие воспитанники Шуинсая подняли три бочонка и сбросили в трюм, который застелен соломой.

Необходимо поджечь солому и дать сигнал остальным, чтобы уходили.

Девушку угнетало странное предчувствие, ей казалось, что Татсумару где-то близко.

На палубе кипел бой. Генерал Тсенг двигался молнией, не оставляя надежды на лёгкую победу чёрным ниндзя. Пока Лао и Тенчу удерживали бандитов слева, а самураи из Эдо теснили воинов Суа справа, сам Накомото сражался с Тсенгом.

Рикиморо прокричал:

– Порох на месте!

Аяме заметила человека в лиловом кимоно. Его блестящие волосы развивались на ветру. Он стоял на шканцах, спиной к сражению, скрестив руки на груди, и смотрел вдаль, словно ему нет дела до того, что происходит внизу. Бархатные ножны с мечом, закреплённые на спине, показались знакомыми.

– Татсумару? – девушка приготовила отравленный сюрикен, но бросить не решилась.

На корабле кипит смертельная схватка, а Сейдри разглядывает вершины гор, облепленные тёмными облаками. Он слышит, как кто-то сражается и погибает, но им овладело полное безразличие к происходящему – к нему вернулась память. Трудно сказать, что стало толчком к этому событию.

Многое вспомнив, Татсумару ужаснулся от того, что натворил. Юноша услышал оклик, но не хотел замечать Аяме, он ждал от неё смертельного удара, который помог бы покинуть жестокий мир... Вдвойне предатель, такой не должен жить.

Не дождавшись смертельного удара, юноша обернулся, отыскал Аяме, вопросительно смотревшую на него, и холодно проговорил:

– Аяме, не мешай нам, уходи.

Девушку поразили его слова. Будто за Татсу говорил кто-то другой. Лицо, погубев, изменилось. Не зная зачем, Аяме достала его повязку и крепко сжала в руке.

– Кто теперь возглавил «Красный лотос»? – усмехнулся он. – Теперь я – Сейдри, – и, в свою очередь, достав из кармана индиговый платочек, подаренный Аяме, бросил на пол: – Я не достоин этого подарка.

Аяме не узнавала любимого. Мальчишество, какое в нём всегда было, пропало бесследно. Теперь перед ней стоял воин – чужой, он стал выше ростом и говорил высокомерно.

У девушки на глазах появились слёзы, ей стало жаль его, жаль себя, их умершую любовь. В кого он превратился?

– Ты убил учителя... предатель!

Ни один мускул на его худошавом лице не дрогнул, по давней привычке он провёл рукой по волосам и отвернулся.

– Не поворачивайся спиной! – предупредила Аяме и, скомкав, бросила в него повязку.

Он сделал вид, что не слышит, но когда она приблизилась и заглянула в глаза, безразлично спросил:

– Что? Хочешь убить меня? Не смей! – Татсумару в облике надменного Сейдри глядел на пол, на повязку. – Я давно мёртв!

Аяме выхватила блестящий кинжал – из тех, что он когда-то ей дарил – и приставила к его горлу. Сейдри поднял голову, на лезвии показалась кровь. Девушка поняла: враг издевается! Ударил гром, как тогда на холмах Уравы, и пошёл сильный дождь.

– Ты ведь знаешь, что я это сделаю первой, – произнесла она, заметив, как он потянулся за спину.

– Думаешь, стану мешать? – усмехнулся он.

– Неужели за то время, что мы не виделись, ты воевал со стариками и детьми? – приходя в ярость, проговорила Аяме.

Прежний любимый успел достать клинок, подаренный ему наставником, и девушка отскочила. Сейдри ловко прокрутил Шуинсаев подарок в своих руках и издевательски улыбнулся.

Уязвлённая, Аяме бросилась в атаку, её оружие сверкало быстрее молний, не достигая цели. Сейдри с лёгкостью уходил от хорошо ему знакомых разящих ударов.

Вдруг Сейдри почувствовал неестественную слабость, будто собственная воля противилась этому бою. Аяме продолжала нападать. Когда ей удалось крепко зажать его клинок своими кинжалами, они вновь встретились глаза в глаза.

– Ты обещал...

На один миг Татсу вспомнил те далёкие счастливые дни, полные любви и радостных надежд. Он обещал стать её героем. Тогда он не хотел стать властелином мира. Ничего не получилось из того, к чему стремился и ради чего жил. На Сейдри смерть учителя. Татсу этого никогда бы не допустил, а безжалостный Сейдри совершил страшное преступление, не достойное самурая. Жизнь не удалась... Силы оставили его, руки ослабли.

Аяме выдернула у него оружие и не удержала своё. Кинжалы разлетелись в стороны, а меч Сейдри упал под ноги Аяме. Она быстро подняла фамильный меч, подарок Шуинская, преградив им дорогу Татсу. Капли дождя падали, падали и капались по щекам, волосам. Юноша нисколько не смутился, его тёмные глаза наполнились странным светом. Татсу почти не дышал.

Замерла, остановившись, Аяме. Слезинки, похожие на хрусталинки, вместе с дождём лились из её больших глаз. Аяме смотрела на любимого, но юноша оставался спокоен. Как поступить? Опасно оставлять в живых врага. А как быть ей, коль враг – любимый человек?

И тут любимый встал под остриё её меча, схватился за лезвие и резко, с силой, вонзил его в себя. Слегка шевеля губами, Татсумару вымолвил:

– Прости меня... Аяме... предатель должен умереть...

Отяжелевшее тело упало к её ногам.

– Что ты наделал, Татсу? – горько зарыдала девушка, припав к мокрым щекам любимого.

Юноша тяжело дышал, захлёбываясь собственной кровью, и не мог вымолвить ни слова. Собрав последние силы, он прикоснулся дрожащей рукой к её лицу и прошептал:

– Прощай... – и с тем ушёл в мир *Грешный, Храбрый, Новый*, который обещала ему другая.

Аяме ещё долго гладила его блестящие растрёпанные волосы, глядела в закрытые глаза.

Рикиморо тем временем зажёл факел и бросил в трюм. Солома вспыхнула.

– Скоро рванёт! – крикнул Рикиморо, но Аяме не откликнулась, даже не повернулась. – Уходим, эй!

Услышав лёгкие шаги, беловолосый повернулся. Стройная высокая женщина в сияющих доспехах... Вращая яростно клинок, Суа пыталась зарубить его, но ниндзя среагировал мгновенно – косым выпадом и финтом. Она парировала удар.

Рикиморо узнал женщину: именно она в бою в Ампаруа сбила его с ног, обозвав «недоучкой». Рикиморо нанёс сокрушительный удар, от которого она сумела увернуться, но споткнулась, оттолкнулась свободной рукой от пола, взвилась вверх, готовая продолжить бой.

Мотохайдус вырвался в поход именно ради этой минуты, и наконец-то нашёл её, преградил дорогу:

– Стой, предательница! Тебе не уйти! Рикиморо, прочь!

– А-а! Это ты, скотина! Подковёрный советник императора-дурака. Не становись на моём пути!

Разгорелся поединок. Рикиморо решил не вмешиваться в единоборство старых врагов.

Сражались опытный старый боец, в юности прошедший обучение у ямабуси, и молодая, полная тщеславия воительница, воспитанная мастером Кендзо в додзё замка Тиёда. Горные монахи-воины ямабуси получили своё искусство от демонов гор тэнгу и слыли наставниками первых кланов ниндзя, а знаменитая школа Кендзо уступала их искусству, но его опыт, долгое время остававшийся без применения, не помог в бою... Мотохайдус упал, получив смертельное ранение. Воительница увидела бездыханное тело любимого и рядом стоящую на коленях девушку, приблизилась к ним.

– Что случилось? – глухо спросила она.

– Татсумару мёртв. Теперь он не достанется никому из нас, – ответила Аяме, не поднимая заплаканных глаз.

– Уходите. Любимого тебе не вернуть, – Суа оттолкнула Аяме и, положив голову на грудь Татсу, обняла мёртвое тело.

Рикиморо схватил в охапку Аяме и швырнул девушку за борт корабля, а следом прыгнул сам.

В этот момент раздался оглушительный взрыв. Какой-то миг – и палуба над трюмом разлетелась вдребезги, повалилась грот-мачта, и металлический корпус «Опустошителя» раскололся пополам, из трюма вырвались языки пламени, свирепо пожирая всё, что попадалось на пути. Куски судна начали медленно уходить под воду.

Аяме больно ударилась, захлебнулась горькой водой, но вынырнула и с трудом забралась в лодку. Девушке не хватало сил стоять, провожая в последний путь её несчастного героя – пришлось сесть, она крепко прижимала к сердцу подарок Татсумару.

Подплыли к берегу, она с трудом покинула лодку, медленно побрела вдоль берега. Она не знала о странном сне, ко-

торый видел Татсумару – люди с берега смотрели на горящее судно. Это горел не корабль – там, в морской пучине умирала её юность, догорала её любовь...

Хавасан заплатил жизнью за то, чтобы самураи в Киото сложили оружие. Масашу недолго пробыл военачальником. Император Тода сохранил трон, но без Мотохайдуса рядом прожил недолго – его отравили. Тсенга и леди Коридвен не нашли. Только Генбо знал о том, что мечта Суа не канула в небытие – она сбылась, но только в лучшем мире. Прорицатель продолжал предсказывать желающим их будущее, но дал себе зарок не вспоминать всеу мятежную принцессу.

Клан «Красный лотос» вошёл в историю как спаситель земель Эдо. В японских летописях нет молодого ниндзя, для которого больше не светила ночами луна, и только ветер жил в его доме, а вскоре туда переселилась Аяме.

Эпилог

Зелёные склоны холмов подходили вплотную к пенящейся у берегов морской лазури. В лесистых зарослях щебетали птицы, будили серую туманную тишь своим гомоном. По обе стороны дороги росли смоковницы. Их листья отливали на солнце красной медью. Дорога, опоясывающая гору – серый призрак, плавающий в дымке утреннего тумана, вела на выкошенное поле. У хижин двенадцатилетние ниндзя отрабатывали серию ударов. Опоздавший мальчишка отбежал положенный штраф вокруг деревни и присоединился к группе будущих воинов императора. Движения, которые нужно отточить до ювелирного мастерства, у него пока не получались. Он решил дёрнуть за косу понравившуюся ему девочку.

Миоко, девочка в тёмном тренировочном кимоно с короткими рукавами, закончив ката, обернулась и мило улыбнулась, залепив забияке в лоб.

– Татсу-тянь, ты снова опоздал. Это не первый раз! – пригрозила пальцем Аяме, выходя из хижины. – Мастер Рикиморо очень недоволен тобой. Она указала рукой к морю, где у грота, на столбах, поднимающихся из воды, беловолосый мужчина в чёрном кимоно тренировал группу ниндзя постарше. Мастер обернулся на звонкий голос Аяме и жестом велел Татсумару поторопиться.

– Увидимся, – сказала Миоко и помахала рукой вслед убегающему юноше.

История повторяется!

Каждую весну распускается красный лотос и радуется людей непередаваемой красотой, так и жизнь славных не проходит бесследно – она хранится в памяти потомков и воссоздаётся в детях. Жизнь продолжается – таков закон преемственности... Да будет так!

Глоссарий

Эдо (ныне Токио) – столица Японии.

Сэмбэй – тонкое сухое японское печенье из риса.

Ри – мера длины, равная 3,9 км.

«Тенчу» – крадущиеся

Хаори – накидка, принадлежность парадного костюма.

Нигири – рисовые колобки с начинкой, как правило, круглой или треугольной формы, завернутые в тонкий сушёный лист морских водорослей.

Дзэн – «сосредоточенное созерцание» или медитация. Для самурайского воинского искусства – один из путей развития, опирающийся на познание гармонии тела и духа.

Ваби – первое мерило прекрасного: эстетико-моральный принцип, провозглашающий прелесть тихой безмятежной жизни, свободной от мирских забот; подразумевает строгую простую красоту и глубокую успокоенность сознания.

Саби – второе мерило прекрасного: эстетическая концепция, находящая особую прелесть в старине, простоте, покое, одиночестве.

Хотэй – улыбчивый бог судьбы, беззаботного нрава. Бритая голова и круглый живот, выпирающий из монашеского одеяния.

Ронин – самурай, утративший господина.

Комусо – странствующий монах-флейтист.

Фукуса – шёлковый платочек.

Кинтон – батат, размятый с бобами

Фусума – раздвижная перегородка в доме, служащая одновременно и дверью

Татами – плетёные циновки стандартного размера (примерно 1,5 кв. м.), которыми застилаются полы в японском доме.

Дзабутон – плоская подушечка для сидения на полу.

Хакама – широкие штаны, сложенные у пояса в глубокие складки.

© ЭИ «@элита» 2014
Екатеринбург

Виктор Власов
КРАСНЫЙ ЛОТОС
Литературно-художественное
электронное издание

18+

Редактор и корректор Сергей Трищенко
Дизайнер Александр Соловьёв
Иллюстрация обложки – Елена Вавикина
Главный редактор Борис Долинго

e-mail: writer@k66.ru
<http://www.iaelita.ru>